ТРУДЫ ВЛАДИМИРСКОГО ГУБМУЗЕЯ.

ВЫПУСК III.

МАТЕРИАЛЫ

ПО ИЗУЧЕНИЮ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ.

ВЛАДИМИР
1928

ТРУДЫ ВЛАДИМИРСКОГО ГУБМУЗЕЯ.

ВЫПУСК III.

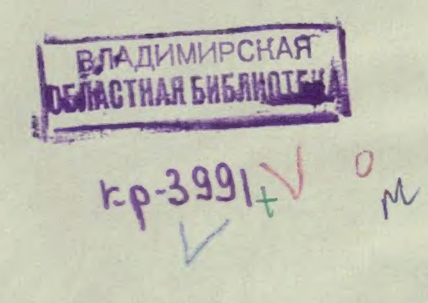
МАТЕРИАЛЫ

по изучению Владимирской губернии.

ВЛАДИМИР.

1928

Г. г. Владимир.
Гублит № 570.
Тираж 350 экз.
Типография № 1
Владгубполиграф-
треста.

ЗА ТРИ ГОДА.

Музеи Владимирской губернии и их работа в 1926-1928 годах.

Картина развития музейного дела во Владимирской губернии была описана еще в начале 1926 г. в „Трудах Владимирского областного музея“ (вып. 2).

Мы же в своей статье намерены показать, как протекала работа музеев губернии за последние три года, изменились ли условия этой работы, ее направление и выяснить те задачи, которые стоят перед музеями в ближайшее время.

Статья эта представляет из себя сводку тех материалов, которые по запросу Владгубмузея представили местные музеи (к сожалению, не все и не с одинаковой полнотой), а также которые были извлечены из архива Владгубмузея за 1926—28 годы.

Новое в условиях работы.

В ведении Владимирского губмузея находится 9 музеев (не считая Александровского, являющегося филиальным отделением Московского исторического госуд. музея).

Из них до революции организован был только 1 (Владимирский, да и он своего расцвета достиг в 1918—1925 годы), в 1918—1923 годах появились сразу 6 музеев и за последние 1926—1927 годы еще 2 (мстерский—кустарный и ковровский—краеведный).

Таким образом, все музеи нашей губернии—детища революции. Отсюда вполне естественно, что в большинстве их не хватает квалифицированных работников.

Подбор работников в значительной степени тормозится и целым рядом неблагоприятных условий работы музеев.

Рассматривая таблицу динамики бюджета музеев, мы замечаем, что их материальная база растет:

	1924—25 год				1927—28 год				Примеч.
	бюджет		спецсредства		бюджет		спецсредства		
Владимир-Суздаль.	4910	53	31657	08	9273	19	20469	66	Вязники по 1926—27 год
Переславль-Муром-Вязники . . .	3115	74	11602	76	5098	—	22872	37	
4 мелких музея. .	135	—	9	—	500	—	628	—	
Итого . . .	8161	32	43268	84	14871	19	43970	03	

Но, всматриваясь внимательно в эти цифры, нельзя не заметить, что рост благополучия неравномерен. Положение музеев Меленок, Киржача, Мстеры и даже такого большого города, как Ковров, весьма плачевное.

В Мстере все благополучие зиждется в помещении на площади, сдаваемом в аренду кооперативу. В Киржаче немного помогает горсовет и часть средств дает нижний этаж „певческого" дома. Меленковский музей получает из бюджета 1/2 ставки школьного работника и кое что на хозрасходы. В Коврове еще хуже: годовой бюджет 118 рублей.

Отсюда во всех этих музеях нет даже одного постоянного научного работника, а от „совместителей" при полнейшем отсутствии средств на научную работу ждать последней, естественно, нельзя.

Если взять положение остальных местных музеев, то их благополучие, как явствует из таблицы, главным образом, зависит от роста специальных средств, то-есть происходит за счет усиления хозяйственной работы музеев.

Нельзя спорить против того, чтобы музеи средства на научную работу и охрану памятников старины и искусства добывали, как говорится, „в поте лица своего".

Но нельзя обойти молчанием и того, что хозяйственная работа легла всецело на плечи заведующих музеями и они лучшую пору музейно-собирательской работы—лето и осень местами (Муром-Вязники-Суздаль) используют не для экспедиций и экскурсий, а на возню с ремонтом крыш, печей и т. п., с обработкой сада, огорода и с реализацией продуктов, полученных на последних.

Что это так, доказывает уже следующая таблица о штатах музея:

	1925 год		1928 год	
	Владимир	6 местных музеев	Владимир	6 местных музеев
Научные работники . . .	3	8	5	9
Канцелярские	3	6	2	3
Охрана	9	11	7	12
Итого . . .	15	25	14	24

Штат сокращается, при чем особенно сильно сокращены канцелярские должности, в числе которых были заведующие хозяйством.

Дальнейшие комментарии таблицы излишни.

И, наконец, последнее и главное неблагоприятное условие работы музеев—это чрезмерная зыбкость той почвы, на которой стоит их материальное обеспечение.

Недвижимое имущество, принятое в 1925-26 годах музеями от виков, узу, комхозов полуразвалившимся, как никак за эти три года в большинстве случаев несколько подлечено.

Но теперь на него снова разгораются глаза у местных работников. Составляются десятки комиссий. Пишутся сотни протоколов, в которых, обычно, забывают упоминать о том, в каком виде музеи принимали имущество.

Вики, ккoвы, комхозы особенно последний год ведут отчаянное нападение на музеи, требуя, чтобы последние отдали им земли, сады, жилые строения, а себе оставили только то, что не дает дохода, но требует ремонта (то-есть архитектурные сооружения, являющиеся памятниками старины).

Это нападение охотно поддерживается некоторыми и уездными, и губернскими организациями.

Спрашивается—можно ли планомерно работать при этих условиях и в хозяйственном, и в научном отношениях?

Прекрасный ответ дает на этот вопрос один из местных музейных работников в своем докладе: „музей имеет определенную материальную базу, в виде переданного имущества; на основе этой базы мы строим свои планы, но нет уверенности, что все это будет так, а не полетит в одно прекрасное время и мы не останемся с одним сторожем и не топлеными печами; нынешний день возьмут монастырь, на будущий—другой“...

Поэтому, создание среди музейных работников твердой уверенности, что переданные им **по закону** имущества не будут растаскиваться клочками, прекращение необоснованной травли музеев из-за этих садов и монастырей, помощь в восстановлении недвижимости—таков вполне осуществимый минимум, который, без сомнения, позволит музейным работникам уделить еще большее внимание на свое хозяйство, а также тратить больше времени на научную работу.

Там же, где нет никаких спецсредств, или они составляют гроши, надо, наконец, подумать о привлечении в музей за счет бюджета хотя одного постоянного работника.

Особенно это относится к Коврову—крупному промышленному городу, для бюджета которого едва ли будет большой тяжестью $1\frac{1}{2}$—2 тысячи рублей.

Растут ли наши музеи.

Сделано ли что нибудь нашими музеями в части их пополнения?

За три года количество экспонатов в музеях Владимирской губернии увеличилось с 35626 в 1925 году до 43242 в 1928 году.

Значит, несмотря на то, что имущества помещичьих имений, ликвидированных монастырей были вывезены уже в предыдущие годы, пополнение музеев продолжается.

При этом характерно отметить то, что пополнение происходит, главным образом, в отделе природы и во вновь открытых за эти годы экономическом, антирелигиозном и революционном отделах.

Так, по 9 музеям губернии мы имели:

ОТДЕЛЫ	К 1-му октября	
	1925 года	1928 года
Историко-археологический	26603	24195
Художественный	2227	3355
Революционный	—	375
Природы	5041	11484
Экономики	754	3733
Итого	35626	43242
Библиотеки	точн. цифр нет.	около 70 тыс. том.

Уменьшение числа экспонатов по историко-археологическому отделу об'ясняется отчасти перемещением в некоторых музеях экспонатов церковного отдела в художественный, отчасти свертыванием наименее ценных экспонатов в запас.

Если же принять во внимание запасы, то и историко-археологические отделы окажутся значительно пополнившимися и при том (что особенно важно) в части первобытной археологии (результаты раскопок) и крестьянского быта (результат участия в работах этнографической экспедиции, бывшей в Муромском и Вязниковском уездах).

Революционные отделы организованы в Вязниках, Переславле, Киржаче и Суздале, организуется в Муроме и, кроме того, в виде самостоятельного музеяиспарта, имеется во Владимире.

Экономические отделы организованы во Владимире, Переславле, Меленках, Мстере, Коврове, Суздале. Отстал

в этом отношении Муромский музей, бывший пионером организации экономотделов и потом „из-за тесноты помещения“ свернувший его.

Материалы для революционных и экономических отделов, главным образом, получены с выставок к X-летию Октября. Большое количество экспонатов получено Владмузеем и из кустарного музея ГСНХ.

И, наконец, отделы природы имеются в Переславле, Муроме, Меленках и Коврове. Их быстрый рост идет исключительно вследствие самостоятельной собирательской деятельности музеев (экспедиции, экскурсии и т. п.).

Таким образом, в собирательской работе музеев наметился определенный перелом в сторону собирания экспонатов, характиризующих историю, природу и экономику местного края. Наметился кое какой сдвиг и в части отображения в музеях современного быта местных крестьян и рабочих.

Научно-исследовательская работа.

Помимо работы по отборке и изучению экспонатов музея, которая имеет немаловажное научное знание, работники музеев губернии проделали за эти три года и ряд научных исследований.

По **истории края** музеями сделано несколько археологических обследований и раскопок.

Так, Владимирским музеем произведены раскопки Малоокуловской неолитической стоянки против Мурома и обследование на озере Виша в бассейне реки Оки (Ф. Селезнев).

Переславским музеем обследованы и частью раскопаны неолитические стоянки в г. Переславле на р. Трубеже, а также на Вексе, на Соминском и Вашутинском озерах, палеометаллические стоянки близ р. Куротни на западном берегу Плещеева озера, курганы в пуст. Котлово близ д. Кураниково и в урочищах „Грачки“ и „Бутриха“ около д. Киучер (М. Смирнов).

Муромским музеем раскопаны неолитические стоянки на р. Теше (Ф. Селезнев) и Кондраковское городище (Московский антропол.-исследовательский институт).

Вязниковским—обследованы неолитические стоянки поймы р. Лух, а Киржачским музеем—могильник вятичей на реке в г. Киржаче.

Суздальским музеем обследованы и частью раскопаны курганы, как ранее исследованные Уваровым, так и новые в районе с. Васильки, с. Якиманского, с. Батыева, с. Улова,

д. Григорова, с. Погост-Быково, д. Самойловой, д. Раменье, с. Барское-Городище, Спасское-Городище, с. Ляховицы, д. Абакумова, Новоселки, Кидекша. Красное, Троицы-берег, Пестиха, Быково, Алфериха, Климово, Исады, Малое Борисково, Турово, Пекол, Глазово, Омутское, Романово, Весь, Менчаково, Курки, местечко Круча, Бабкино, Урусобино, Санково и по течению р. Каменки—с. Глебовское и Михайлова сторона (аспирант Московск. у-та—Дубинин).

Кроме того, Переславским, Муромским, Суздальским музеями собирался материал для археологических карт их уездов, в Муромский музей поступил от крестьянина с. Малотицы клад мордочек времен Алексея Михайловича.

Переславским же, Муромским, Суздальским и Меленковским музеями собраны материалы об истории их городов. В сборниках Переславского музея отпечатана статья М. Смирновым вместе с Иваненко-„Историческая усадьба“ „Ботик“ близ Переславля Залесского“.

Экспонаты музеев и архитектурные памятники Переславля, Владимира и Суздаля неоднократно привлекали внимание научных сил Москвы, Ленинграда и даже иностранных ученых.

Не забыта музейными работниками и история революционного движения в их районах—в Переславле собраны материалы „о пребывании Ленина в Горках“ и „по истории революционного движения в Переславском у. в XУII-XУIII веках“.

В Киржаче музей собрал материал о Киржачских декабристах Кулеваеве и Колошине, в Меленках—об истории революционного движения в Меленковском уезде и Владимирский музей „о крестьянском движении 1905 г. в Чаадаевской волости, Муромского у. и „о первых волнениях песессионных и крепостных мастеровых Гуся-Баташова в первой половине XIX века“.

И, наконец, Переславским музеем проделана большая работа по составлению актографии Переславского края, а Муромским музеем—по составлению библиографии Муромского края.

Изучение природы местного края, попрежнему, наиболее интенсивно велось в Переславле и Муроме. Переславским музеем (научн. сотр. Гаммельманом) проводилось фаунистическое обследование уезда, обследованы короеды в лесных госдачах, проведена экспедиция на Берендеево болото для ботанического и энтомологического его обследования, а также сделано там бурение со взятием образцов торфа.

Кроме того, вновь открытой в исторической усадьбе „Ботик“ географической станцией произведено географическое и гидрогеологическое обследование Савельева озера.

Геоботаником В. Варенцовым для естественно-исторического отдела музея собрана коллекция почв.

Плещеево озеро привлекло к себе целый ряд ученых Москвы, изучавших его с гудробиологической, физико-химической, экономической и др. сторон.

Геологи же Карпинский и Герасимов произвели геологическое исследование центральной и западной части Переславского у., открыв мощные залежи серой глины.

Муромским музеем за эти годы производился сбор мотыльковых и др. растений, собрана большая коллекция насекомых и около двух десятков зубов и костей животных четвертичного периода.

По экономике края работниками Владимирского музея закончены были работы по „истории сталеслесарной промышленности Вачского района в XIX веке“ и по „истории металлургической промышленности Влад. губ.“

Составлен был ряд диаграмм и карт о почве, климате, хлебо-фуражном балансе, стоимости валовой продукции с./х. и пром. и о распределении промышленности цензовой и кустарной по отдельным отраслям.

Суздальским музеем был обработан материал о перспективах развития местной промышленности в зависимости от естественных богатств края и Мстерским музеем собирался материал о сельском хозяйстве, промыслах и промышленности Мстерской волости.

М. Смирновым—зав. Переславским музеем—отпечатана статья. „О с./х. Переславль-Залесском у. в ХУ-ХУIII столетиях“.

Этнографическую работу проводил самостоятельно Переславский музей, заведующий которого М. Смирнов изучал типы крестьянских построек в Нагорьевской волости, а вместе с Пановым произвели археологическое и этнографическое обследование Берендеева болота и окрестных селений. Им же опубликованы материалы „о культе и крестьянском хозяйстве“.

В области искусства работу проводил Суздальский музей, закончивший научное исследование „вкладов князей Шуйских в Суздальские соборы и монастыри“.

И, наконец, частью музейных работников обработаны с **антирелигиозной точки зрения** материалы о святых Владимирской

губ. и их чудесах. Суздальским музеем собраны данные „о нетленных мощах Федора и Иоанна“, а Владимирским подготовлена к печати общая статья „Владимирские святые и их чудеса“.

Политпросветработа наших музеев.

Но особенно огромная работа проделана музеями в области развертывания политпросветработы и пропаганды краеведения среди широких масс.

Прежде всего, посещаемость музеев за эти три года увеличилась более чем в полтора раза (с 36565 чел. в 1924-25 г. до 55349 чел. в 1927-28 г.).

При этом рост идет в большей части за счет одиночек (их было в 1924-25 г.—19918 ч., а в 1927-28 г.—30738 ч.).

Экскурсии посещают музеи тоже в большей степени, чем раньше (за 1924-25 г. было 16647 экскурсантов, в 1927-28 г.—24611 чел.).

Кроме того, Владимирским, Переславским, Суздальским, Меленковским и др. музеями читались лекции о местном крае в селах и клубах рабочих, среди красноармейцев, делались доклады о краеведении на общих собраниях учительства, вожатым пионеротрядов и кое-где на культурно-просветит. секциях вика.

Переславским музеем проводилась довольно энергичная работа по организации кружков краеведения и музейных уголков по волостям.

Владимирский и Муромский музеи довольно удачно организовали выставки картин местных художников.

Однако в части политпросветработы музеев есть еще один существенный недостаток—это недостаточная посещаемость их взрослыми рабочими и крестьянами, хотя за последний год (по неполным сведениям) и тут имеется небольшое достижение:

Группа посетителей	1926-27 г.	1927-28 г.
Рабочих	8,6	9,1
Крестьян	7,8	11,9
Красноармейцев	13,4	8,2
Служащих и горожан . . .	35,8	29,6
Учащихся	34,4	41,2

Ограничиваться этим, конечно, нельзя—надо привлечь к музеям внимание наиболее глубоких слоев рабочих и крестьян.

Это важно не только в политико-просветительных, но и в научно-исследовательских целях. Об этом говорит пример работы Муромского музея за 1924-1925 годы, когда, благодаря огромной посещаемости последнего рабочими и крестьянами, по их сообщениям были открыты Корниловский могильник, Панфиловская палеометаллическая стоянка, Савковский клад и др.

Охрана памятников.

Под охраной музеев, кроме целого ряда стоянок, могильников, городищ и курганов, состоит 29 гражданских и 192 церковных архитектурных памятников XII-XIX веков.

Часть их находится в непосредственном ведении музеев, а часть передана в пользование общин верующих и разных учреждений.

С целью охраны памятников, находящихся в непосредственном ведении, музеи за счет спецсредств содержат сторожей.

Из этих же средств в возрастающем из года в год об'еме производится и текущий ремонт памятников (окраска крыш, вставка стекол и т. д.).

Из капитальных работ следует отметить ремонт палаты Андрея боголюбского в Боголюбове, укрепление берега р. Оки около Козьмодемьянской церкви XVI в. в Муроме.

В общем, по Владимирскому, Переславскому и Муромскому музеям из 26628 руб. 26 коп. спецсредств израсходовано в 1926-27 году

на ремонт памятников	5699 р. 64 к.
на ремонт музеев	2383 р. 48 к.
на зарплату сверхштатным сотрудникам (в т. числе на организацию охраны памятников) . . .	10419 р. 08 к.
на хозяйств. расходы	2903 р. 23 к.
на научные расходы	4918 р. 48 к.
на издательство	304 р. 35 к.

Кроме этого, заслуживающим подражания следует отметить пример заведующих Муромским и Переславским музеями.

Первый в 1927-28 г. осмотрел все памятники Мурома и заставил общины верующих произвести некоторым церквам ремонт.

Зав. Переславским музеем лично осмотрел целый ряд сельских церквей и точно также понудил верующих ремонтировать наиболее пострадавшие церкви.

В Переславском же музее в целях пропаганды охраны памятников была организована особая их выставка.

За истекшие три года во Владимирском, Переславском, Муромском и Вязниковском музеях были также произведены работы по реставрации и закреплению наиболее ценных памятников древне-русской живописи, хранящихся в этих музеях.

В заключение следует несколько слов сказать об учете революционных памятников. Главнаука об этом заговорила еще давно. Губоно и губмузей в августе предложил произвести соответствующие работы. Но, судя по отчетам музеев за 27-28 год, в октябре нигде почти ничего не было сделано, хотя срок представления материалов по учету назначен на 1 декабря 1928 года.

Задачи музеев.

Какие же задачи стоят перед музеями нашей губернии на ближайшее время?

Прежде всего, **музеи должны приспособить всю свою научно-исследовательскую и собирательскую работу к практическому обслуживанию нужд социалистического строительства**.

Пора уже избавиться от пустых разглагольствований о „чистой науке и чистом искусстве“: барские времена, породившие эту болтовню, безвозвратно прошли.

Недалеко то время, когда наша губерния будет разбита на округа. Первое время в работе некоторых из округов, без сомнения, будет заминка, если краеведные организации (научные об-ва и музеи) общими силами с советскими учреждениями (статотделами, земотделами, архивбюро и т. д.) своевременно ни дадут более или менее подробной картины природы, истории и экономики вновь организуемых административно-экономических единиц.

Эта основная цель ближайшей работы наших музеев ставит перед многими из них задачу **действительно** превратиться в **местную, краеведную** организацию, в которой бы уже не было таких явлений, что какое либо оружие, неизвестно как попавшее в наши края, десятками дублетов занимает в музее лучшее место, а экономический отдел оказывается „негде разместить“.

В частности, на первое время, по нашему мнению, каждый музей должен обогатиться экспонатами (конечно, после соответствующей научно-исследовательской работы), рисующими климатические и почвенные условия округа, или района; богатства его недр земли, транспортные условия, энергетические и топливные рессурсы.

Музей должен наглядно также показать что, где, как и в каком размере вырабатывается промышленностью и кустарями округа (района).

В области сельского хозяйства основное внимание музеев должно быть направлено на разбивку округа по районам товаризации и индустриализации сельского хозяйства и на пропаганду тех мероприятий, которые необходимо провести в том или ином районе для поднятия производительности сельхозтруда и большей товаризации его продуктов.

Музейным работникам губернии необходимо также поставить перед собой задачу составления подробных археологических карт и истории городов своего округа (района).

Вторая задача, которую музеи обязаны выполнить в самое ближайшее время, это—тщательный учет и изучение революционных памятников. Эта работа не только даст возможность защищать от разрушения то, что дорого каждому сознательному рабочему, но и внесет ценнейший материал в историко-революционные отделы музеев.

Одновременно с этим необходимо до некоторой степени изменить свое отношение к прежде учтенным гражданским и церковным памятникам, которые иногда заносились в списки механически („церковь XVIII века—значит охраняем"), без действительного изучения их ценности в архитектурном отношении.

Поэтому, музеи должны еще раз просмотреть свои списки и, уже детально ознакомившись с ценностью памятников, выделить из их огромного числа те, которые являются действительно достойными охраны, и составить хозяйственный план приведения их в полный порядок.

Третья задача музеев заключается в большем охвате их политпросветработой широких слоев рабочих и крестьян.

С этой целью необходимо установить более тесную связь с профсоюзными организациями, домами крестьянина, избами читальнями и т. п. учреждениями, обслуживающими культурные запросы масс.

Не следует жалеть средств на агитацию за музей путем вывешивания ярких плакатов на базарных площадях, витрин с фотографиями отделов на самых бойких местах.

Следует шире использовать и газеты как печатные, так и стенные.

Далее музеи нашей губернии, избегая возни с перестановками, для привлечения рабочих и крестьян слишком слабо еще использовали метод выставок, применительно к текущим практическим работам, проводимым соввластью (напр., не устраивались выставки „оборона страны“, „рационализация производства“ и т. п.).

Почти совсем отсутствует у музеев и связь с кустарными артелями, тогда как многие из последних (артели, вырабатывающие художественные изделия) могли бы получить богатейший материал для своей работы (рисунки для вышивок, орнаменты и рисунки для раскрашивания и резьбы по дереву, а также для чеканки, гравировки металлов и т. д.).

Но самым важным мероприятием в этой части является **„коренной пересмотр музейной экспозиции в сторону наибольшего приближения музеев к широким народным массам“**.

Следует распределить экспонаты и снабдить их надписями так, чтобы они стали доступны и понятны любому грамотному человеку, а не только узким специалистам.

В этой статье не место вдаваться в подробности о принципах экспозиции и об этикитаже. По нашему мнению, наиболее понятна для масс разбивка экспонатов по определенным темам, к тому же приспособленным по возможности к тем или иным практическим целям (напр. „вредители и друзья сельского хозяйства“, „история земли“, „развитие животных и человека“, „антирелигиозный отдел“, „быт помещика, крестьянина и рабочего“ и т. п.).

Конечно, при этом нельзя забывать и основной принцип экспозиции **„лучше меньше, да лучше“**.

И, наконец, **музеям необходимо принять меры к укреплению их материальной базы.**

С этой целью они должны тщательно проверить все ли из недвижимого имущества ими эксплоатируется так, как следует, и подсчитать сколько средств потребуется на капитальный ремонт зданий, которые после этого, без сомнения, будут приносить гораздо большие, чем теперь, доходы.

Во всех учреждениях составлен пятилетний план, он должен быть и в музеях.

Одновременно с этим, надо поднять вопрос и о **фактической** передачи им тех доходных имуществ, которые иногда продолжают **только юридически** числиться за музеями.

Все эти задачи не есть что либо совершенно новое в музейной работе: о них говорится уже давно, но в практике некоторые музеи только и ограничиваются одними разговорами.

Сдвиг к выполнению этих задач наметился уже за прошедшие 3 года.

Музеи Владимирской губернии в ближайший же год должны поставить их (задачи) в центр всей своей работы. Тогда дело музейного строительства еще быстрее будет двигаться вперед.

Музеи должны стать, так сказать, научными помощниками в деле социалистического строительства и умелыми пропагандистами научных знаний среди рабочих и крестьян.

Ф. Я. Селезнев.

ПРИОКСКИЕ ДРЕВНЕЙШИЕ ПОСЕЛЕНИЯ.

Стоянки на реке Теше[1]).

В связи с открытием неолита у Волосова гр. Уваров высказался о возможности находок подобной культуры на соседней реке Теше. Я, исходя из соображений о значении малых рек в древности, был того же мнения. С обнаружением стоянок на Илемне, Ушне и Муромке[2]) подобная уверенность во мне возрасла еще более. Осенью 1925 года мне удалось выполнить задачу обследования бассейна Теши, предварительно запасшись сведениями о непотопляемых буграх, расположенных по старому ее руслу.

Одним из таких бугров является т. н. Садовый Бор, в среднем течении названной реки, к юго-западу от с. Позднякова, на расстоянии полутора километров от этого селения.

Это типичная дюна волосовского строения, расположенная среди поймы; бывшее русло реки разрезает ее на две части: меньшую – к югу и большую к северу; последняя представляет площадь около одного километра в квадрате, с красивыми холмами и перевалами внутри; до настоящего времени ее покрывает сосновый лес. Возвышенность приподнята больше всего в южной и юго-восточной части, где был берег старой реки. Весенние водоразливы ежегодно производят здесь разрушения почвы, хотя растительность и оказывает им сопротивление. Подошва дюны, размытая водою, шириной метров в 60, вдоль всего бугра представляет тройной ряд террас, на первой из них заметен жженый слой или „пал", свидетельствующий о былой человеческой борьбе с растительностью.

Стоянка оказалась рядом с самым высоким местом, на средней террасе, против небольшого озера—остатка реки. К сожалению, место было испорчено самовольными раскопками, отчего мои работы не получили должной полноты и результаты их порою оказываются не совсем ясными[3]).

---

[1]) Теша приток Оки в окрестности Мурома, впадает справа, в 3-х верстах ниже города. Ширина 15-20 сажен.

[2]) Реки по соседству с Тешей. Стоянки открыты мной в 1916-24 г. (Труды Муромск. научн. о-ва, вып. 1-й).

[3]) Подростки с. Позднякова под руководством одного из учащихся шк. II ст. напали на это место и частично его раскопали.

Стоянка расположена на такой высоте над уровнем соседнего луга, что стала потопляемой; судя по сохранившемуся откосу соседней террасы, до размытия весенними водами почвы здесь должно было быть от одного до двух метров.

Проложенные траншеи длиной в 30 метров с северо-востока на юго-запад до основного песка дали следующий профиль: сверху толщиной до 15 см. лежит намывной песок, далее в 5-8 см. угольный слой; последний в сторону центра ямы идет несколько вглубь, затем снова поднимается постепенно вверх; далее, книзу, мощностью в метр и местами в 1½ метра, залегает темнобурая масса, переходящая на границе с основным дюнным песком в совершенно черный цвет. В северо-восточном конце траншеи в таком расположении слои выходят наружу с постепенными повреждениями выше лежащих, с противоположной стороны они тупо упираются в наружный песок. Две траншеи, проведенные через центр ямы, в эту сторону пришлось продолжить дальше остальных, так как здесь вырисовывался выход из ямы; на некоторой глубине темный слой был завален опустившимся сверху песком, который в свою очередь оказался прикрытым другим наносом. Дно ямы почти на половине длины дает некоторый под'ем кверху, затем после небольшой волны в обратную сторону идет почти ровно до конца. В глубокой яме заметно скопление гари с углем и выщелочившейся золой; здесь же оказались два небольших остатка трубчатых костей крупного животного.

Профиль поперечного разреза представляет ту же картину. Здесь слои, вследствие разрушения их весенними водами, выклиниваются на поверхность в направлении спуска террас к подошве дюны. В противоположную сторону, к бугру, как и следовало ожидать—они оказываются неповрежденными; наибольшая мощность их здесь до 2½ метров.

Далее, другими траншеями, параллельными продольной, перевернута была вся почва, содержащая культурные остатки. В результате получилась следующая картина:

В толще основного песка некогда была вырыта продолговатая яма овальной формы, длинная ось которой, направляясь вдоль террасы, имела 16 метров, короткая — около 10 метров. Глубина в средине до 2½ метров, которая к бокам несколько уменьшается, отчего дно представляется слегка вогнутым. Бока ямы кверху немного расширяются. Яма таким образом кажется ладьевидной.

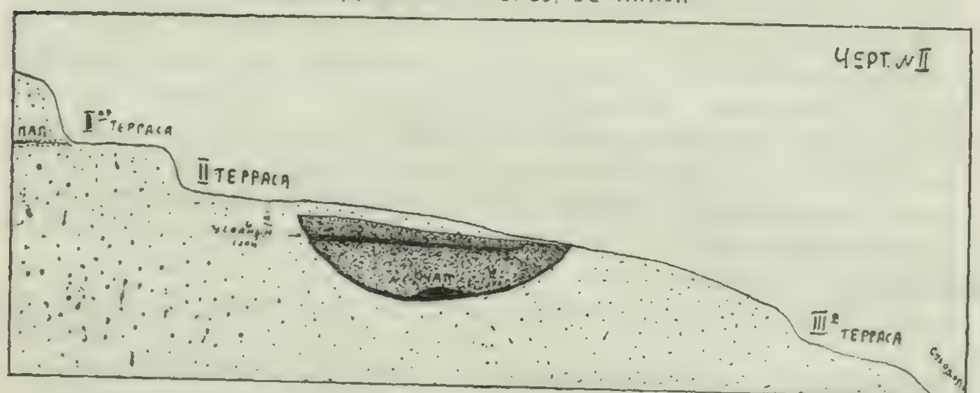
С одной стороны, юго-западной, в направлении длинной оси со дна поднимается выход в виде корридора, длиной до 2½ метра и почти такой же ширины.

Стоянка „Садовый бор“.

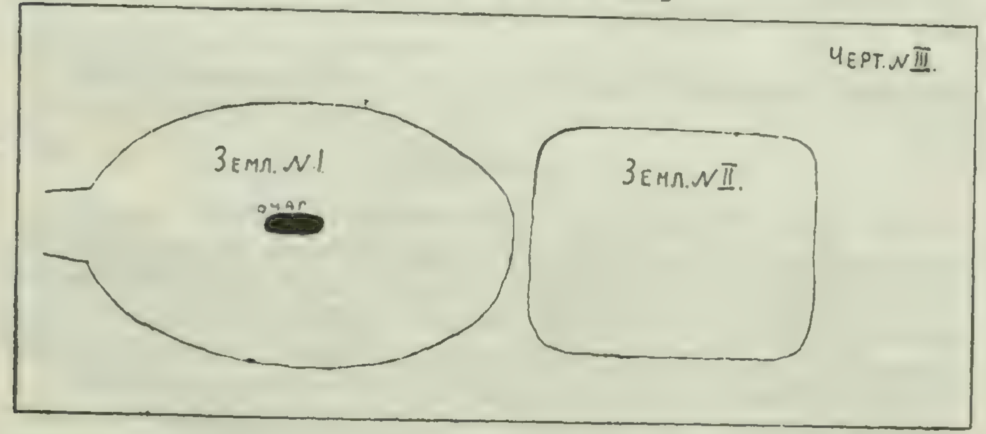
(Чертежи землянок].

Продольный разрез землянок

Поперечный разрез бугра по землянке №I.

План землянок.

Масштаб: 1:200 метра

К этой яме, в сторону, противоположную выходу, примыкала другая, несколько меньшая, как по занимаемой площади, так и в глубину, формой близкая к четырехугольнику, с ровным дном. На дне первой ямы, почти в середине, имелся очаг, в виде компактной массы гари из углей и выщелочившейся золы, в форме вытянутого круга по длине ямы, размерами в 2×1 метр.

Отмеченный выше, найденный в верхних пластах, горелый слой распространялся только на первую яму и в одной стороне имел весьма значительное утолщение.

Что касается находок, то они б. ч. попадались в нижнем слое, при чем в главной яме, ближе к ее центру или по краям. Вещи лежали иногда на самом дне, а иногда в следующем за черным—буром слое. Так, вдоль длинной стены, в сторону бугра, оказались в 2-х местах многочисленные черепки сосудов с точечным орнаментом. Из кремня, кроме разных скребков и тонких листовидных осколков, здесь найдено копье хорошей работы, напоминающее таковые же из Волосова[1]). Вдоль другой длинной стены, на глубине полметра—каменный шар, части сосудов, украшенные продолговатыми ямками, и глиняная дудка[2]). Вдоль поперечной стены, к выходу, вблизи остатков очага—части большого сосуда с орнаментом в виде предыдущего и скорлупки от яиц.

Наибольшее количество находок оказалось в центральной части ямы. Многочисленные кремневые изделия здесь располагались безо всякого порядка, вразброс; части сосудов б. ч. находились группами.

Весь оказавшийся таким образом материал сводится к следующему:

I. Копья.

Копий всех, с поломанными, оказалось 6 штук. Одно из них узко-листовидной формы, длиной в 11 см., довольно тонкой, как уже было сказано, работы, из серого полупрозрачного кремня, весьма острое. Орудие с нижнего конца было поломано, потом подправлено для привязи к древку.

Другие, в числе 3-х, довольно грубой работы, листовидно-широкой формы, также без черенка, длина не превышает 6 см.

---

[1]) Коллекции Муромского музея, поступившие от П. С. Уваровой без описаний.

[2]) Относительно этой находки высказаны были предположения в смысле отнесения ее к славянской поре или к еще более позднему времени. Я решительно против этого, находя ее древней. Основанием к этому служит глубина залегания находки, совместно с другими несомненно древними вещами и то, что бор в более позднее время не мог быть обитаемым. Ф. С.

Одно копье, дошедшее в двух обломках, без средней части, превосходит по толщине все остальные и, кроме того, не имеет совершенно явственно обозначенного рабочего конца,—оба конца тупые, отчего вещь можно считать скорее наконечником бурава. Длина 7 см.

Наконец, последнее—трехгранной формы, присаживавшееся в ращеп древка, размером в 7 см., крайне примитивной выделки.

II. Стрелы.

Стрел с обломками найдено 8. Одна узко-листовидная, с небольшим стержнем, среднего размера, слегка зазубренная по краям—тонкой выделки.

Более грубой выделки, без стержня, такой же формы, как и предыдущая, размерами в длину от 4 до 5 см., цельных—4 шт.

III. Скребки.

Скребки подразделяются на следующие группы: 1) толстые туфлевидные, с слегка загнутым концом, длиной до 8 см., без ретуши—1 шт., 2) тонкие острые, без ретуши, разных величин неправильной формы—20 шт., 3) ладьевидные и клювовидные с заострением с обоих или с одной стороны, с загибом (кочедык), размером от 4 до 7 см. в длину—7 шт., 4) ножевидные, с изгибом в одной плоскости, длиной до 5 см.—4 шт., 5) трехгранные, со стержнем, длиной 16 см. (ретушь только с одного конца)—1 шт., 6) ножи-пилы, длиной до 6 см. обоюдоострые с ретушью, 7) тонких широких скребков с ретушью, полуовальной, трапецевидной и других форм—95 шт.; 8) скребков широких, крупных, б. ч. трапецевидных, без ретуши—7 шт.; таких же более мелких 10 шт.

IV. Ядрища.

Ядрищ из кремня, оббитых до придания им кругловатой формы разных величин—37 шт. Ударников 4 шт.

V. Клевцы.

Клевцов прямых и с изгибом, длиной до 10 см.—3 шт.

VI. Долота.

Долота из кремня обделаны грубо, есть с заточкой. Тылье тупое, но без следов удара во время работы, или острое, рабочий конец у одного экземпляра с желобком,—всего 3 шт.

VII. Кубической формы кремневый инструмент с желобковатой бороздкой вокруг для привязывания, 4,5 см. в ребре—1 шт. К этой группе примыкает кремневый шар около 4,5 см. в диаметре, с бороздкой вокруг для привязи (см. рис. табл. 8-я, № 1-2).

Кроме этого оказалось довольно большое количество мелких и крупных кремневых осколков без ретуши, некоторые из них могли применяться в значении ножей, другие, узкие—в значении проколок и шильев,—всего не одна сотня. Отдельно от этого куски поделочного кремня, куски камня другой породы (песчаника и шифера).

Керамика.

Глиняные изделия представляются огромным числом частей сосудов, которые могут быть разделены на следующие группы:

I. Днища сферической или конусовидной формы, с точечным орнаментом и др. оттисками (особенной гребенкой, пилкой или веревочкой). Из них следует отметить один экземпляр с весьма толстыми стенками, с орнаментом изнутри (мелкими точками). Размер в трех случаях средний, один большой и один малый,—всего 6 образцов (см. рис. табл. 6-я, №№ 1, 3—5а и 5б, табл. 7 я, № 9—11).

II. Черепки от краев с теми же орнаментальными элементами, дополненные луночками (украшения идут б. ч. и по бережковому краю: точки или оттиски гребенкой) 49 образцов.

III. Черепки от средней части тех же сосудов неизменно богато украшены. Общая площадь до 18 кв. децим.

Сосуды указанного типа представляют полушарную вытянутую форму, с некоторым отгибом края вместо „горла“. Край бывает иногда и неотогнутым, а просто пристукнутым, отчего он сильно утолщается; иногда бережок оттянут или заострен посредством косого обреза кнаружи.

Украшения особенно обильны вдоль края. Прежде всего украшен самый край ямками или косо идущими оттисками гребенкой. Затем, под шейкой идет поясок из ямочек или луночек (оттиски полукруглым инструментом вроде трубчатой кости или растительного полого стебля с зазубринками по обрезу) (см. рисунки: табл. 6, № 5с).

Далее, идут обычно в несколько рядов ямки, глубина которых иногда доходит до выпячивания стенки с обратной стороны. Ряды ямок иногда разделяются или перемежаются мелко-гребенчатыми, пильчатыми или веревочными поясками (табл. 7-я, рис. №№ 1-10).

Глина в этих сосудах краснобурого цвета, довольно вязкая, слабо обожжена. Закалка, судя по черной поверхности черепков с внутренней стороны, производилась с помощью жара, помещаемого в самый сосуд.

IV. Части сосудов с плоским дном и самые днища. Сосуды этого рода ручной работы, нередко толстостенные, главным образом, двух видов: в виде плошки и горшка с пузинкой, при чем последний вид имеет шейку, завершающуюся иногда весьма большим отгибом края. Глина б. ч. серого цвета, содержащая иногда примесь крупного песку, снаружи красноватая, что указывает на обжиг с внешней стороны. Орнамент б. ч. гребенчатый, реже веревочный и линейный с геометрическим рисунком (в елку, городками или ромбами) (см. рис. табл. 7 №№ 11-22).

Горшки по шейке иногда имеют традиционные ямки, при чем последние делаются не только с наружной стороны, но иногда и изнутри. Украшения обычно располагаются вокруг горла и никогда не заходят ниже пуза.

По величине такие сосуды бывают весьма разнообразны, начиная от огромных корчаг до маленьких горшечков.

Тип плошки также имеет украшение из элементов, подобных предыдущему, с такими же рисунками, но украшения иногда распространяются на более значительную часть поверхности сосуда. Сосуды эти обычно с очень толстыми стенками и доходят до значительной величины в диаметре (около 50 см.).

Выше было отмечено, что черепки при нахождении залегают группами, но они, будучи собранными, никогда не дали такого количества частей, чтобы из них можно было составить цельный сосуд.

Во второй яме был найден небольшой осколок стрелы и несколько черепков с ямочным орнаментом, не считая незначительных осколков кремня.

Оказавшийся таким образом материал по количеству представляется внушительным, относительно него не лишне сделать некоторые замечания.

Во-первых, все почти орудия по обделке носят примитивный характер. Исключение представляет 5-6 экземпляров (копья рис. № 3 и стрела рис. № 1, табл. 1), которые нужно признать занесенными из другого места. Наряду с техникой отжима господствующим способом в обработке камня является удар, доведенный до последней степени ловкости, благодаря чему получались какие угодно по тонкости осколки. Все тонкие скребки без ретуши и средние с ретушью могли иметь

значение ножей, ввиду их острых краев. От изгиба самого куска кремня зависела получаемая иногда изогнутая форма (кочедык).

Во-вторых, совсем отсутствует шлифовка, несмотря на употребление камня мягких пород; один шиферный скребок хотя и представляется гладким, но это получилось в результате его заточки при крайне незначительной твердости породы. Такая же заточка видна и на кремневом долотце (рис. № 25, табл. 3).

В-третьих, здесь отсутствует кость в качестве материала для выделки орудий. Правда, по условиям почвы, костей в этом месте вообще почти не сохранилось; отмеченные выше остатки из кухонных отбросов дошли до нас в сильно разрушенном виде. Тем не менее костяные поделки могли бы найтись, если бы они здесь были, так как для этих изделий выбирались самые твердые кости. Характерно, что в числе орудий здесь почти нет шильев, где с большим удобством применялась и кость. Также нет проколок; экземпляр под этим названием эф-образной формы (рис. № 2, табл. 2), можно отнести к „фигурным камням".

Вообще орудия стоянки Садового Бора крайне однообразны, нет казалось бы самых необходимых образцов— топоров, кроме нескольких, напоминающих их по форме, скребков; долота на все огромное число находок имеют 1-2 представителей (из кремня без заточек), их дополняют клевцы прямые и с изгибом (рис. № 15, табл. 2). Зато довольно много толстых тупых скребков всяких размеров (рис. 28-31, табл. 3) и форм, преобладают трапецевидные и овальные.

Ударники и ядрища также бросаются в глаза, при разнообразных размерах. Эту серию завершают два орудия— большое продолговатое из песчаника и меньшее шаровидное из кремня (табл. 8-я, рис. № 1-2). Первое, насколько это можно было, оббито до придания кругловатой формы и имеет желобок по окружности для привязки к дереву или просто к веревке. В первом случае из него получался основательный кистень (колотушка), а во втором— грузило для сетей. Второе орудие напоминает головку палицы или колотушки меньших размеров, чем предыдущая.

Относительно керамики нужно заметить следующее:

Образцы глиняных изделий здесь оказываются очень богаты по разнообразию форм краев сосудов и по орнаменту. Можно пожалуй даже сказать, что культура Теши в этом отношении превосходит другие по соседству. Черепки

от краев дают до 50 размеров сосудов [1]. Точечный орнамент варьируется на несколько ладов и ему соответствует круглое дно сосуда; черепков с гребенчатым орнаментом сравнительно немного, но они также богаты узорами и относятся к сосудам с плоским дном. Глина во-первых, или чистая, вязкая-красная, от коричневого до желтого, во-вторых с примесью дресвы, темная внутри и красноватая с наружной стороны изделия. Закалка всегда лучше в плоскодонных сосудах. Как особенность, можно отметить присутствие черепков с весьма хорошей закалкой, по технике напоминающих круговую работу, но их очень немного и сосуды, соответствующие им, малой величины и особой формы. Орнамент на них черточками получен режущим толстым инструментом, а узоры здесь геометрические.

Любопытной находкой оказывается вышеупомянутая дудка из белой, хорошо промятой, глины. Вещь сделана по способу детских свистушек, производимых нашими гончарами (петушки, барабанчики и т. д.). Дудка имеет вид конуса в 7 см. длиной, с отверстием в переднем конце для вдувания воздуха и с дыркой в боку для выхода его; в средине—один лад, на втором конце небольшой раструб. Судя по особым рубчикам у края раструба, можно думать, что к инструменту имелось дополнение в виде рога, как это делается у пастушьих дудок (накручивается лента из бересты), что уже не могло сохраниться (рис. таб. 2, № 6д).

Гр. Уваров нашел нечто подобное в раскопках Вятской губернии, но там находка была из кости н не вполне сохранилась [2]. Хотя вещь найденная нами по отделке не представляет чего либо особенного и на ней, в противоположность остальным произведениям керамики, нет никаких украшений—тем не менее она сделана умелой рукой. В то же время отсутствие украшений при грубоватой выделке указывает, что вещь изготовлена не в мастерской, а скорее руками любителя.

Вопрос о том, не служила ли эта находка каким либо маяком или сигнальным рожком, можно было бы не поднимать, если бы не тот факт, что подобные инструменты являются до сих пор принадлежностью охотника и некоторые из них безусловно идут по традиции из древности. Судя по особым рубчикам на конце, наша дудка, повидимому, имела рог или резонатор и теперь, лишенная этого допол-

[1] Существует предположение, что овалы частей этих сосудов, по причине плохого обжига, от долгого лежания в земле искажаются, загибы черепков выпрямляются. Такое соображение, однако, должно быть принято с оговоркой.

[2] Уваров. Археология России, т. II, таблица 9, рис. 33161. Дудка здесь имела, кажется, два лада.

нения, дает тон, похожий на обыкновенный свисток (присутствие лада и только что помянутого рога при этом являлось бы ненужным).

Тип жилища описываемой стоянки напоминает землянку, найденную В. А. Городцовым у с. Панфилова[3]) только не круглой, а скорее овальной формы. Землянок в раскопанном мною месте, можно думать, было две: одна жилая, другая в роде кладовой, непосредственно примыкала к ней. К сожалению, весенние воды размыли основания этих сооружений, а росшие над ямами деревья внесли в почву своими изгнившими корнями новую путаницу; кроме того, как было уже сказано, место было отчасти повреждено местными копателями, деталей «плана», поэтому, разобрать нельзя и многое приходится решать предположительно.

Над главной ямой нами установлен был компактный горелый слой, нельзя ли его считать следами бывшей крыши? Что касается «нар» по схеме проф. Городцова, какие он устанавливает в Панфиловской стоянке, то я не мог проследить их в этих землянках. Могу сказать одно, что орудия располагались в жилище двумя зонами—вдоль стен и вокруг очага, как это было указано в своем месте. Все это согласуется с порядком хозяйственной жизни и в позднейшее время: посуда и орудия для работы внутри жилья не должны валяться под ногами, при чем для горшков могли иметься специальные приспособления в боках землянки, на подобие полок; мелкие предметы и черепки могли быть потеряны или брошены у очага.

Вторую предполагаемую землянку называю кладовой потому, что в ней не найдено очага и инвентарь ее очень бедный. Очевидно, все, бывшее в ней, состояло из таких предметов, которые могли сгнивать или уничтожаться хозяевами.

В виду недостаточного материала, который был найден в смысле кухонных отбросов, трудно составить понятие о характере пищи и месте трапезы. Мясо крупных животных и яйца птиц не исчерпывали всего, что можно было получить на месте. Совсем не сохранились кости и чешуя рыбы, то, что находилось в других местах и особенно в Волосове.

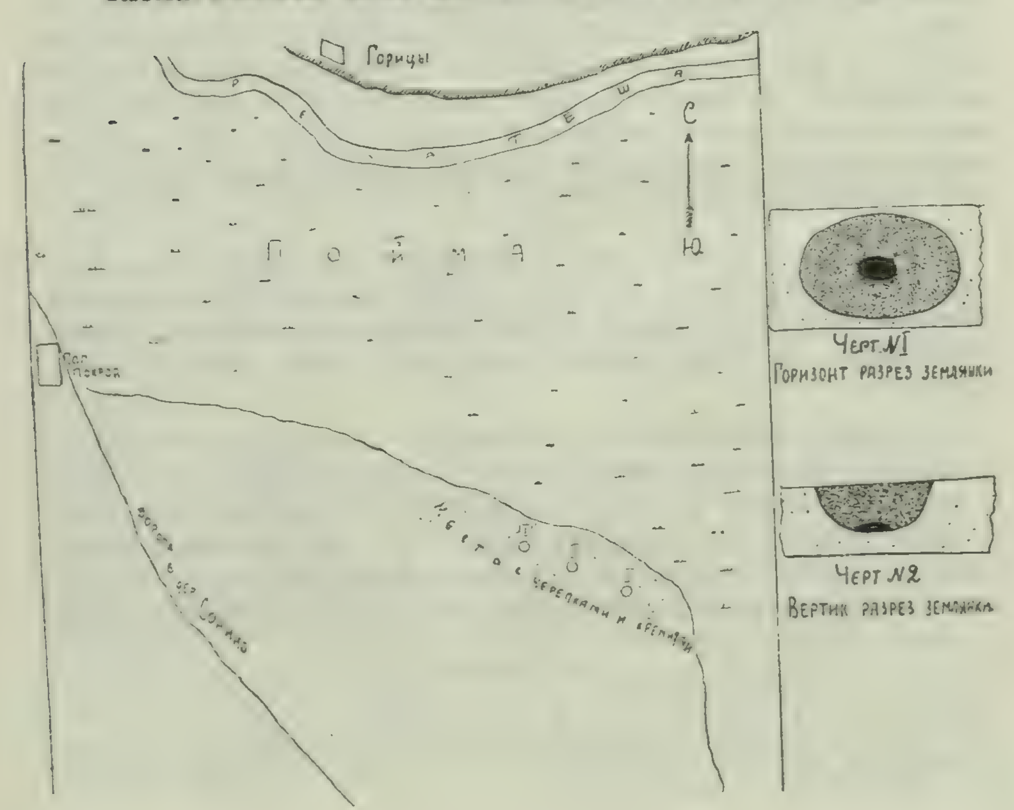
[3]) Стоянка открыта первоначально мной в 1923 г. Производивший затем раскопки проф. В. А. Городцов нашел здесь круглую землянку до 15 арш. в поперечнике. „Труды Владим. облмузея" 1925 г.

Стоянка у дер. Сониной.

Верст на 15 выше предыдущего пункта по Теше расположены селения Горицы—на правом берегу и Сонино—на левом. Тепершнее течение реки проходит у первого, вдоль высокой гряды, состоящей из пермских пластов глины, прикрытых диллювиальными песками. Теша здесь принимает небольшие притоки и расширяется, при чем дно ее становится настолько мелким, что в летние жары местами пересыхает, образуя островки. Левая сторона, пойменная, имеет характер луговой низменности, шириной 1-2 км., по которой кое-где видны ямы и озерки—остатки прежнего русла реки.

На границе долины с полевыми угодьями соседней дер. Сонино, на расстоянии полутора километров от последней, на северо-запад находится место в виде небольшой возвышенности с песчаной почвой, усеянное на поверхности осколками кремней и ямочными черепками. Место этой весной непотопляемо.

Схематический план местности стоянки у д. Сонино.

После нащупывания пробными колодцами было сделано три разреза почвы. Один в юго-восточном конце возвышенности, на границе песчаной почвы с соседней, имеющей темно-серую окраску, где кончается выброшенные наверх черепки и кремни, второе—на 10 метров далее на северо-запад и третье—на 20 метров в том же направлении (см. план местности).

Пункт первый.

Площадь 6×2 кв. метров была прорезана первоначально крестообразно двумя траншеями в два метра шириной до подстилающей песчаной почвы. Вслед за тонким слоем (в 5-10 см.) полевой земли оказался слой черного цвета толщиной в 50-70 см. В слое попадались черепки с ямками и незначительные кремни. Развитие траншей во все стороны ничего существенно нового не дало.

Пункт второй.

Здесь, среди песчаного грунта, оказалось пятно 2×2 метра, содержащее черный культурный нанос до глубины 1 метра. После того, как этот слой был выбран, получилась яма кругловатой формы с овальными станками и дном, наиболее углубленным к средине, где оказались признаки бывшего костра, (черт. 1-2). Несомненно, это была землянка, но, в противоположность стоянке на Садовом бору, очень скромных размеров.

Находки культурного характера стали попадаться с самого начала работ. Так, на глубине 50 см. к южному краю ямы были найдены части большого сосуда из глины темно-красного цвета с ямочным орнаментом. Несколько ближе к центру, на глубине близкой по дну ямы, оказалась стрела из розоватого кремня, по работе напоминающая волосовские; неподалеку еще 3 стрелы, но уже грубой обделки и две части разбитого копья (—не доставало средней части, рис. 3, табл. 4).

Кроме оформленных скребков и ядрищ разной величины, а также кремневых кусков, как и в Садовоборской стоянке, здесь оказалось довольно большое количество тонких кремневых осколков, при чем некоторые из них имели по краям ретушь и, таким образом, свидетельствовали о прямом назначении служить орудиями. Всех предметов около 200.

Пункт третий.

На расстоянии 10 метров к западу от предыдущего пункта оказалась еще землянка размерами 4×3 м., также эллипсовидной формы с протяжением с запада на восток. Глубина около метра, с дном овальной формы[1]). В центре вырисовалось кострище с темным слоем гари в виде углей и золы с черепками, покрытыми сажей. Последние по характеру бывших сосудов и орнаменту совершенно сходны с таковыми прежних двух пунктов.

В слое, прикрывающем кострище, и по соседству с последним на дне ямы оказались следующие кремневые орудия:

Большой толстый скребок (рис. 7 табл. 5). Других скребков разной формы и величины—16. Одно копье листовидной формы и часть другого более грубой работы (рис. 1 и 2, табл. 5) и еще малое (рис. 3).

Осколков в значении ножей—31 шт. и других 35.

Черепки в общем сходны с таковыми же в Садовом бору и почти все имеют ямочный орнамент (табл. 9, рис. 1-13).

Только что рассмотренная стоянка среднего течения Теши дает материал, в общем сходный с таковыми же на Садовом бору. Сонинские землянки второго и третьего пункта однако отличаются чрезвычайно малыми размерами при незначительной глубине. Было бы рациональным поэтому принять их за жилище другого рода—за шалаши с углублениями. Такие малые землянки можно считать временными убежищами[2]).

Пункт 1-й не совсем раскопан и значение его не вполне выяснено в отношении к остальным. Если бы здесь была найдена землянка, то, по бедности оказавшегося инвентаря. ее можно было бы сравнить с таковою же на Садовом бору под № 2. Возможность существования „склада" в этом месте особенно допустимо, если считать Сонинские жилища устроенными с промысловой целью.

---

[1]) Глубина, вероятно, была большей; верхние слои, под нахотой легко сползают в низменность по соседству, этим об'ясняется и то, что чернозем на месте землянок сверху не прикрыт другой почвой (п. п. II-й и III-й).

[2]) На дне ям второго и третьего пункта найдены кострища, что вряд ли противоречит сказанному предположению о характере названных жилищ. Правда, костер в летнее время года рыболовами и охотниками обычно разводится вне шалаша, но ведь древний шалаш мог служить убежищем и в холодное время года, даже зимой. Некоторые виды охоты и рыболовства ведутся именно в только что указанное время года. Затем, обилие всякого рода насекомых, вроде комаров, вынуждало промышленников древности прибегать к костру и летом в самом жилище, с помощью чего только и можно было заснуть. Кроме того, самые способы хранения огня, трудно добываемого, заставляли устраивать костер не кое-где, а в укромных местах—в ямах.

Какие особенности имел Сонинский район Теши во времена этих стоянок для древнего рыболова и охотника в сравнении с Садовым бором можно себе представить, исходя из условий, какие получают названные промыслы у верховьев небольших рек. У Сонина не бывает большой полой воды, как непосредственно в Окской долине. Следовательно, в то время, когда ближе к устью не оказывалось мест, удобных для добывания пищи, человек двигался сюда, ближе к верховью. Такое чередование в выборе угодий знают и современные рыболовы, и охотники с наступлением весеннего сезона. Особенно это могло иметь место в то время, когда процветал промысел сбора яиц. Болотная и водяная дичь весной на целый месяц бывает оттеснена от поймы разлившимися водами и начинает гнездование по лесным болотам.

Чрезвычайно большое значение имели в то время особые способы ловли рыбы, теперь ставшие запретными. Это всевозможные „запоры". До сих пор весной любители этого дела на малых речках устраивают плетни с окнами. Когда вода поднимается и рыба заходит в загороди, у окон ставят „верши", а то и просто корзины с тем, чтобы при начале убыли, в них попадала рыба. К сожалению, по условию почвы и влажности в ней наши раскопки не дали характерных для этого находок кухонных отбросов, чтобы иметь фактическое подкрепление сказанному. Другие находки по соседству на этот счет представляли достаточный материал. Была возможность и для других видов древних промыслов в районе Сонина. Это бобровые и пчелиные занятия.

Кости бобра (главным образом зубы) находятся не редко в Волосове. На Теше, как и на Велетьме, безусловно эти животные водились и составляли важную статью добычи охотника. Ниже указано место, носящее название „Бобровой гривы",которое сохранило воспоминание об этих промыслах в своем названии. Садово-Борские ближайшие окрестности, конечно, также не исключали возможности обитания помянутых животных, но верхнее течение Теши все же могло давать в этом преимущества, как в силу малого поднятия реки в весеннее время, так и потому, что здесь имеются устья других впадающих речек.

Бортиевый промысел, отмеченный в хозяйственном укладе жителей Оки вплоть до XVII века, без сомнения, восходит к самой ранней поре истории этого края. В эпоху стоянок он, вероятно, существовал вместе с более простыми способами вынимания меда у пчел в дуплах. По соседству с Сонинской стоянкой находится много мест, удобных для пчеловодства до настоящего времени.

Все это говорит за то, что места в районе Сонина служили хорошим дополнением к тем угодьям, какими располагали окрестности Садового бора, и найденные здесь землянки могли существовать одновременно со стоянкой только что названного пункта.

Находки у Бобрового озера.

В самом нижнем течении Теша имеет целую сеть озер, большею частию потерявших видимую связь со старым руслом. К числу таких принадлежит озеро Бобровое. Что это остаток старой Теши, можно проследить по характеру местности, сохранившей особые борозды и ложбины по соседству. К одному концу такой ложбины примыкает названный водоем, в то время как другой ее конец направляется к Садовому бору—также бывшему берегу Теши.

На правой стороне озера сохранился бугор, по местному „грива“, некогда высокий речной берег, теперь поросший побегами недавно сведенного дубового леса. Бугор по площади занимает менее 1 кв. кл., в настоящее время редко не бывает потопляем в весенние воды. Песчаный характер поверхности сохранился только в самой высокой части, рядом с озером, где теперь проходит дорога. Весенние воды разрушили часть бугра и обнажили залегавшие в нем кремневые орудия и остатки глиняной посуды древнего типа. Летом в 1924 г. один из жителей соседнего с. Дедова, проходя указанным местом, нашел обломок большой стрелы из кремня. Стрела попала в руки соседнего учителя, заинтересовавшегося работами по краеведению. Предварительное обследование на месте и следующее с разрезами почвы, к сожалению, не дали окончательных результатов, устанавливающих место нахождения стоянки.

Несколько севернее пункта, где найдена была стрела, в траншеях и на поверхности были собраны следующие незначительные находки:

1. Черепок из вязкой не крепко закаленной глины бурого цвета, толщиной 0,5 см. от горшка средней величины (20 см. в диаметре). Орнамент – ряд небольших точек, углубленных до выпячивания с обратной стороны и пояском из трех рядов продолговатых неглубоких ямочек между нового ряда точек.

2. Черепок от края без отгиба, толщиной 0,5 см., из глины темного цвета, с желтой подмазкой с обоих сторон, кривизна указывает на сосуд вроде миски. Диаметр 22 см. Орнамент из рядов редких неглубоких продолговатых ямок с наклоном.

3. Тоже, из глины бурого цвета, с песком, средней крепости закала, толщина 0,5 см., с матерчатым орнаментом.

4. Черепок от края без отгиба, из глины черного цвета, с желтой окраской с верхней стороны. Закал средний, диаметр 20 см., орнамент ряд неправильных точек.

5. Тоже с желтой окраской сверху, закал средний, толщина 0,5 см., орнамент—линейный, при чем линии изредка пересекаются под острыми углами.

6. Черепок от края без отгиба желтой глины с обоих сторон, средней твердости. Толщина 0,3 см., диаметр маленький—около 4 см., без орнамента.

7. Тоже, несколько штук, от сосудов средней величины (толщина 0,5—1 см.).

8. Тонкий небольшой скребок из красноватого кремня, с незначительной ретушью по краям.

9. Тоже, более толстый.

10. Небольшой кусочек железа, обратившегося в руду.

Некоторые черепки (без орнамента) несомненно поздние (финские). Культуру можно считать переходной к железу.

Находка у дер. Кутарина.

К юго-востоку от Садового бора по Теше на расстоянии 2-х клм. находится д. Кутарино. Здесь старая Теша сохранила характер настоящей реки. Перед самой деревней проходит овраг, бывший, вероятно, когда то речкой. Здесь, на правом берегу его, против огуменников, летом в 1925 г. во время пашни найдена была кремневая стрела жаловидной формы, без стержня, размером 4,5 см. в длину, шириной 1,5 см. и толщиной 0,3 см., довольно хорошей отделки. Инструмент оказался здесь, очевидно, случайно, так как почва в этом месте, по обследованию, не обнаружила следов древней культуры. Правда, за Кутариным, на склоне соседнего поля, к Теше, на расстоянии 50 метров от последней, найден такой слой довольно мощных размеров, но он по характеру содержавшихся в нем черепков принадлежит к позднейшей, вероятно **финской**, эпохе.

Необходимость общих заключений относительно Тешинской культуры приводит нас к рассмотрению некоторых особенностей последней, в связи с другими изученными пунктами этого рода по соседству.

В своем месте указывалось, что орудия Тешинских стоянок, вообще говоря, носят характер двух видов техники—высокой и примитивной, какая, впрочем, наряду с первой, попадается по соседству на Ушне и на Илемне. Обилие

кремневых осколков, найденных во всех пунктах, а также большое количество ударников, указывает на то, что большинство орудий производилось здесь на месте.

Тешинские черепки в некоторых образцах почти тожественны с керамикой всех неолитических мест окрестностей Мурома. Многие точечные рисунки и некоторые гребенчатые совпадают в том и другом случае до подробностей в деталях. Можно поэтому заключить, как я и ранее высказывался, о существовании во времена Окского неолита профессионального кустарничества в изготовлении орудий и утвари, при чем изделия служили предметом обмена[1]).

Но весьма незначительное количество орудий хорошего изготовления в стоянках Теши стоит в связи с другим фактом: копий и стрел вообще здесь оказалось мало. Повидимому, центр тяжести здешнего хозяйства находился в чем то помимо охоты на зверя или охота эта производилась такими приемами, которые не нуждались в орудиях названного типа. Между прочим, в описываемых стоянках оказалось порядочное количество мелких, до величины обыкновенного ореха, кремневых ядрищ правильной формы. Что это не простые остатки поделочного кремня, видно с первого взгляда. Но спрашивается: какое назначение имели эти камни? Так как в первобытном хозяйстве все предметы носили трудовой и полезный характер, то и указанные вещи не имеют чего либо случайного. Эти камешки всего менее могли служить игрушками, они также не могли быть грузилами, так как для этого имелись более удобные специальные изделия из глины.

Исторические указания употребления камней в применении метательных орудий и некоторые пережиточные формы современных инструментов этого рода, как „рогатка", навязывание камешка на пастуший кнут, в виде боевого средства, наводят на мысль, что и эти камни также предназначались для метания. Круг охотничьих средств в таком случае для жителей Теши расширяется.

Многочисленные острые скребки, найденные в стоянках, указывают на преобладание занятий, состоящих в резании, распарывании и скоблении. Наблюдения над современной жизнию в подобных местах могут дать кое-какие указания на этот случай.

Для плетения рыболовных загородей на малых реках и для изготовления вершей требуется большое количество прутьев. (Самое слово „верша"—вершие, ветки—древней

---

[1]) Археология окрестности Мурома. Труды Муромск. Научн. О-ва, вып. I-й, 1925 г.

формы). Несомненно, что при хозяйстве, где главной доходной статьей была таким способом добываемая рыба, нужны были и эти острые камни—ножи.

Срезалась также кора дерева, имевшая в первобытном хозяйстве широкое и разнообразное применение, как на укрытие жилья, так и на вышеупоминаемые борти для ловли пчел.

Насколько Тешинские находки характерны в смысле хронологии, нужно сказать следующее. Инвентарь Тешинского образца мною был найден на Ушне и из него, можно сказать, состоят находки Панфиловской стоянки. Но в последней оказались бронзовые орудия и В. А. Городцов решил всю стоянку отнести к металлическому периоду, правда раннему [1]).

Здесь уместно бы поднять вопрос о продолжительности существования найденных нами стоянок. Сколько времени жилые сооружения посещались человеком, наука с большей определенностью высказалась лишь в отношении пещерных жилищ, которые по своим особенностям могли противостоять разрушительному действию времени и давать готовый приют человеку.

Вышеописанные жилища типа землянок создавались целиком человеком и человек же мог их уничтожить или забрасывать намеренно и случайно. Относительно землянок, особенно значительных по размерам, все же следует заметить, что люди в древности должны были ими дорожить и передавать по наследству, так как для сооружения их, при тех средствах, требовались огромные усилия, да и место, где строилась землянка, выбиралось не случайно, а там, где было больше выгоды для хозяйства. Рессурсы, дававшие существование обладателям такой землянки, почти не истощались и жилище, при поддержке его, могло существовать неопределенно долго. В тех случаях, когда прямая преемственность в обладании „домом" почему либо нарушалась и землянка на долгое время обращалась в развалины, восстановить ее все же было выгодней, чем строить новую. Вот почему можно думать, некоторые отмеченные нами пункты в отношении находок представляют скорее наслоения от разных культур, чем образцы одной культуры. Это даст, м. б., более правильный смысл и таким фактам, как находка бронзового „рубанка" в Панфиловской стоянке. Свойственный современному человеку жилищный консерватизм, с любовью „к насиженным гнездам", подтверждает сказанное. Черепки

---

1) Проф. В. А. Городцов.—„Панфиловская палеометаллическая стоянка. Труды Владимирск. обл. музея, вып. II. Губ. г. Владимир. 1926.

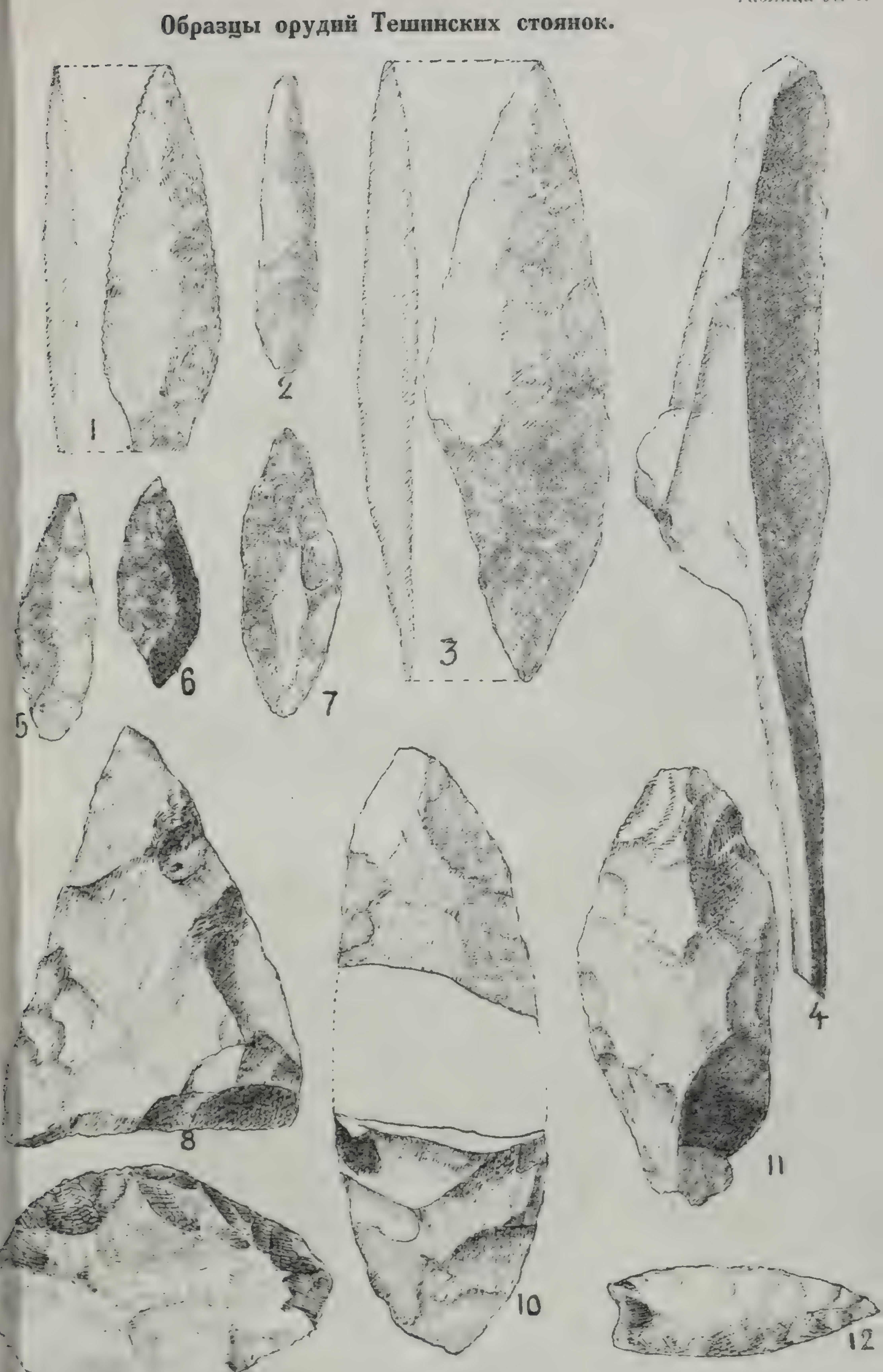
из необожженной глины от круглодонных сосудов, находимые вместе с закаленными от плоскодонных, дополняют эту мысль [1]). Между прочим, любопытен факт, что таких черепков нам ни разу не удалось собрать в количестве, достаточном для целого сосуда. Это с удобством можно об'яснить перерывами, разделявшими существование каждого из образцов, и тем, что цельные сосуды никогда не бросались. Такое соображение, особенно, подходит к разнородным черепкам, найденным в малых землянках у д. Сонина. Здесь большое количество сосудов не могло бы одновременно находиться просто благодаря размерам жилищ.

Таким образом, поселения на Теше могли начаться со времени настоящего неолита и достигнуть поры упадка этой культуры, как и по соседству на Велетьме, Илемне и Ушне. По условиям местности население продолжало быть захолустным и не только не успело пользоваться появившимися металлическими орудиями, но сюда редко заходили и обычные для соседей мастерские изделия из камня.

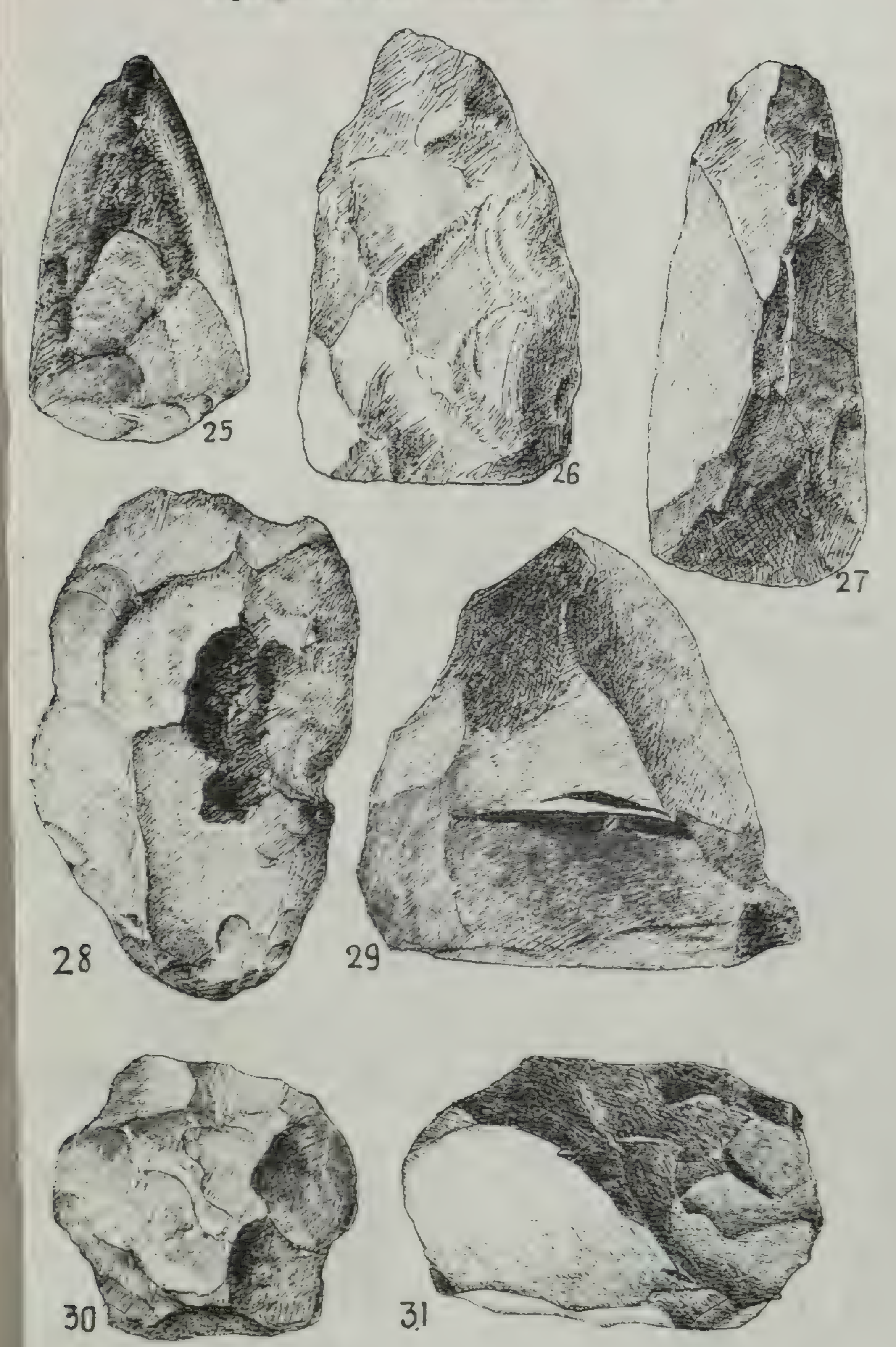
1) С этой керамикой можно бы сравнить находки у о. Виши, несколько ниже описываемых притоков по той же Оке. Материал, собранный нами, пока неопубликованный, представляет тот интерес, что посуда здесь исключительно круглодонная с точечным орнаментом. Очевидно, мы имеем дело в том случае с культурой одного и притом более раннего периода.

Образцы орудий Тешинских стоянок.

Образцы орудий Тешинских стоянок.

Образцы орудий Тешинских стоянок.

Образцы орудий Тешинских стоянок.

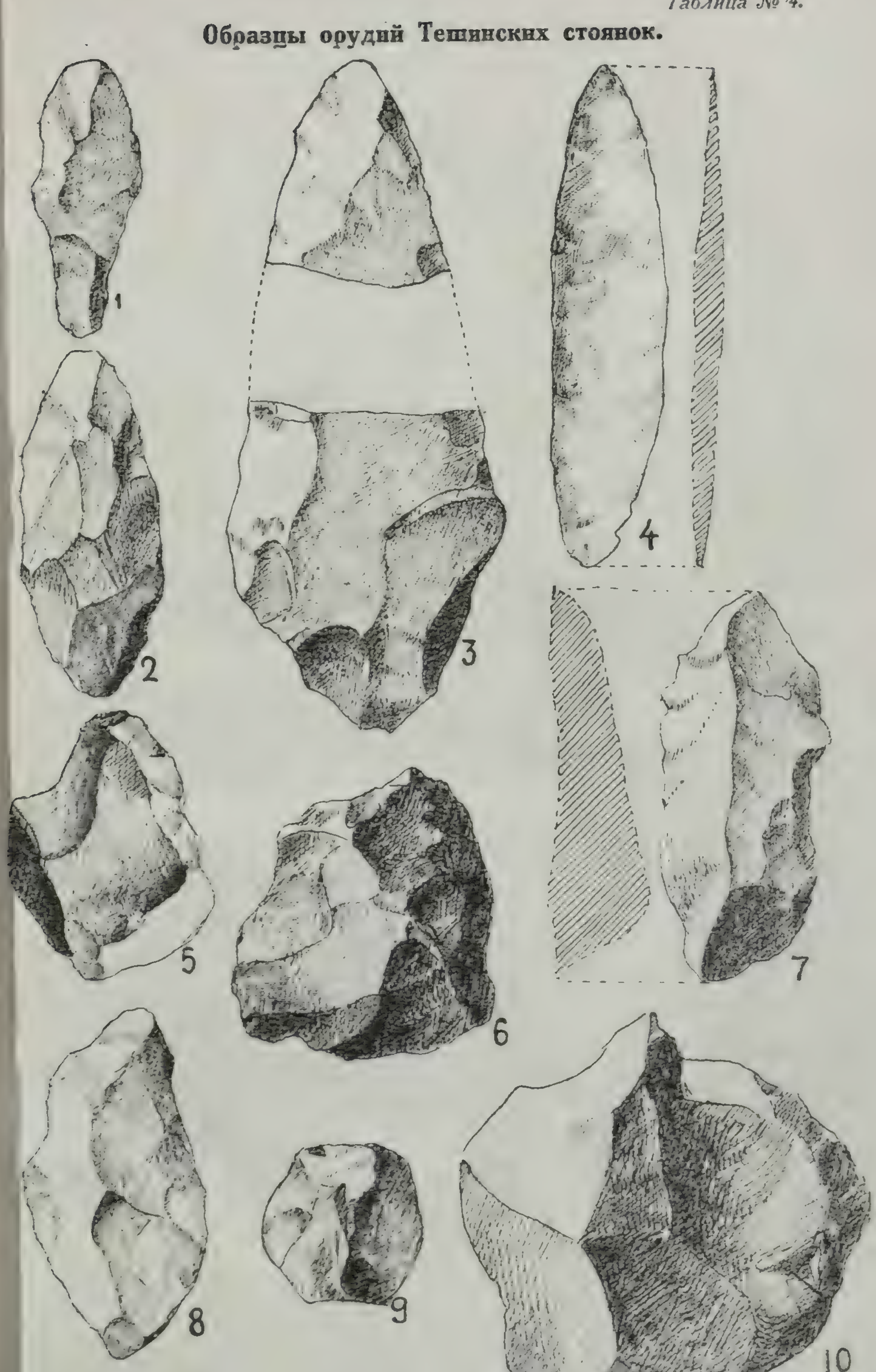
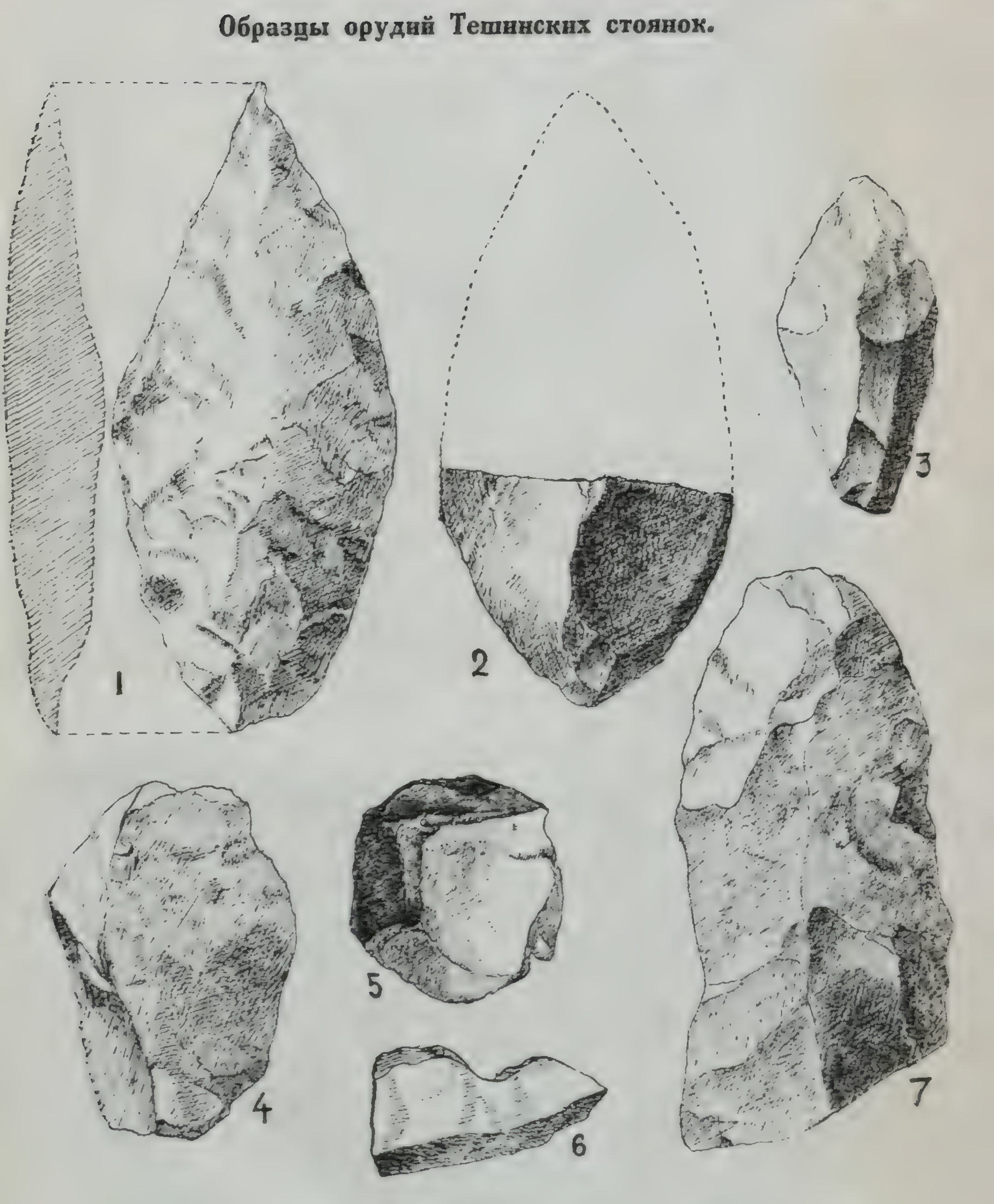
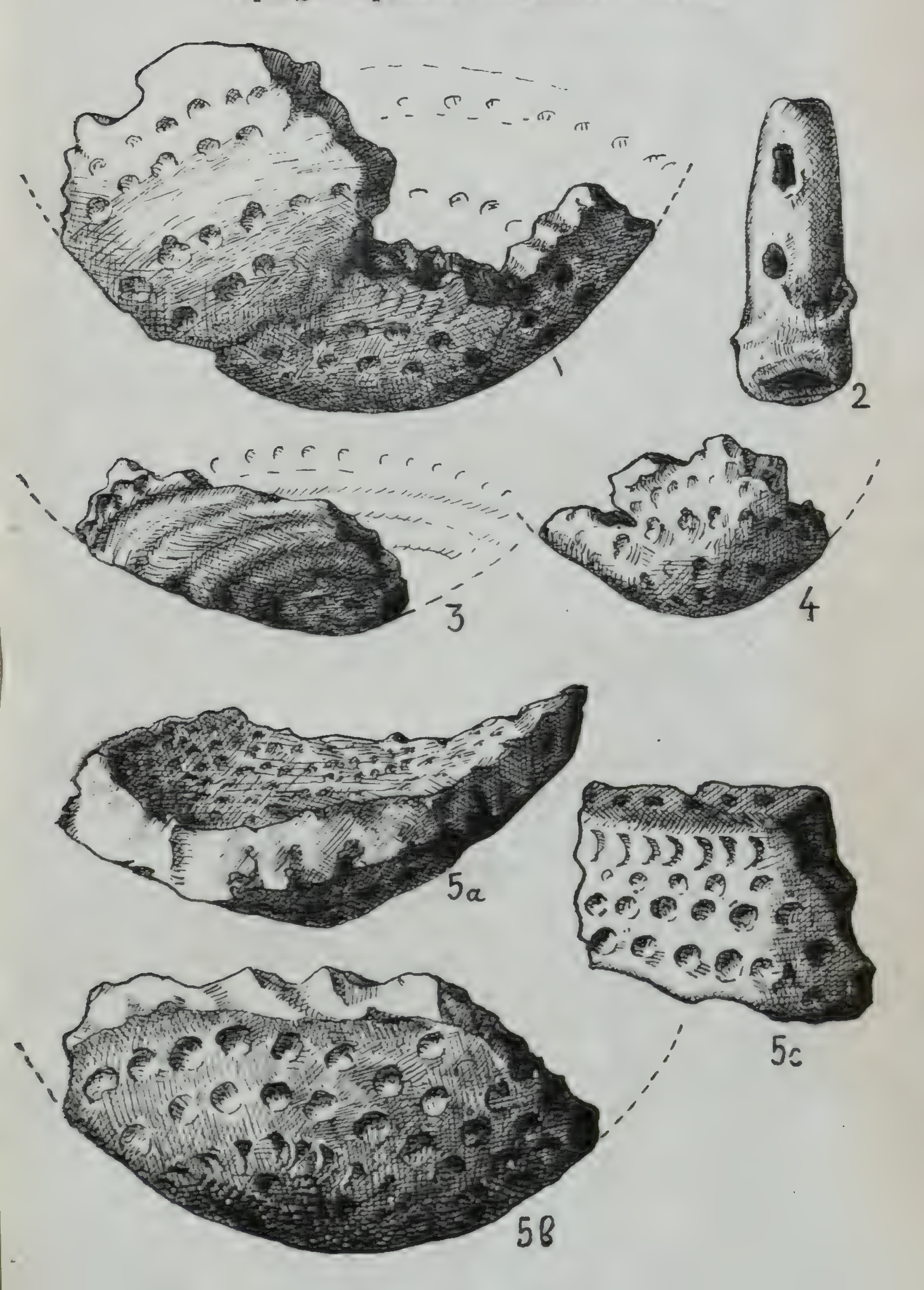

Таблица № 5.

Образцы орудий Тешинских стоянок.

Образцы керамики Тешинских стоянок.

Образцы орудий и керамики Тешинских стоянок.

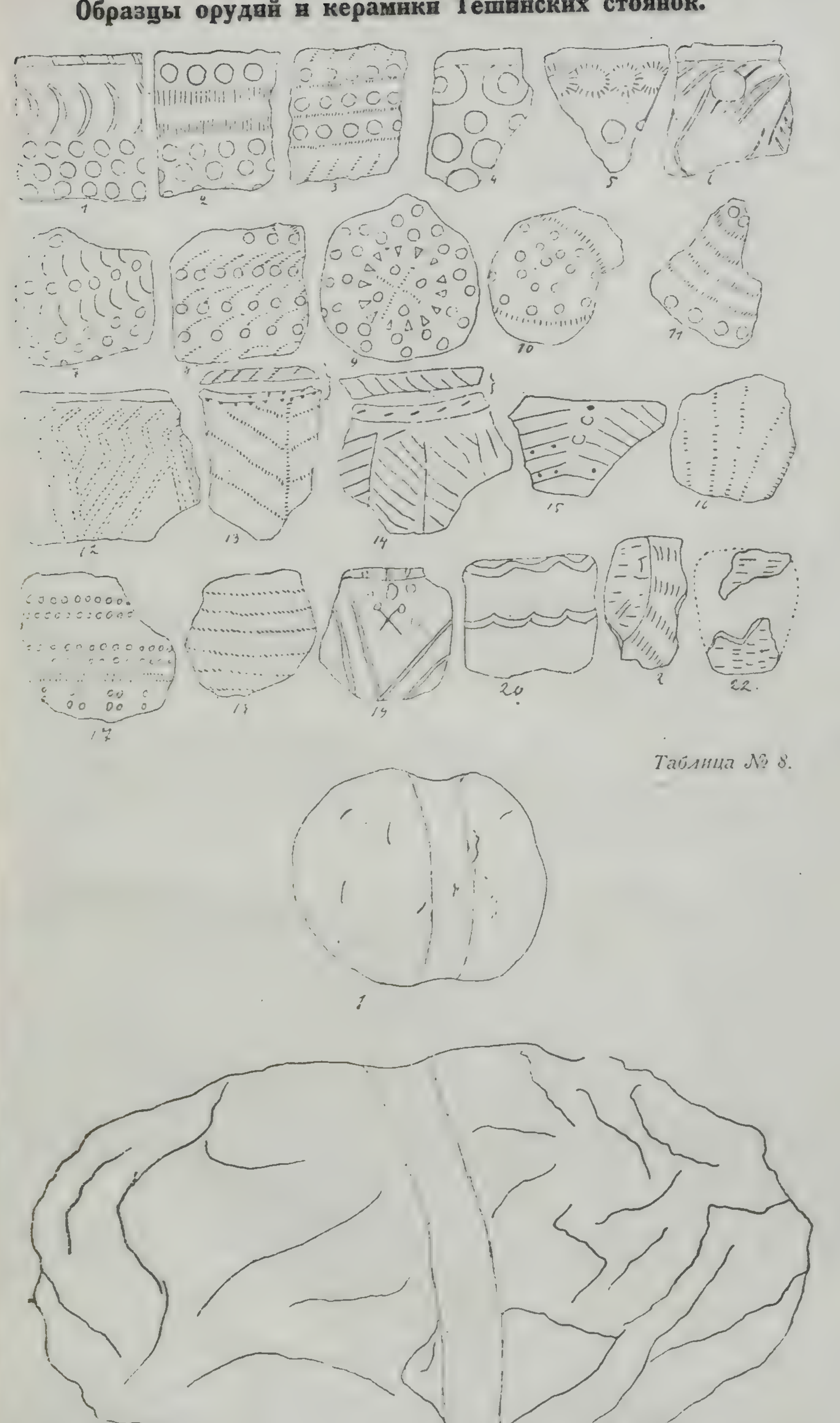
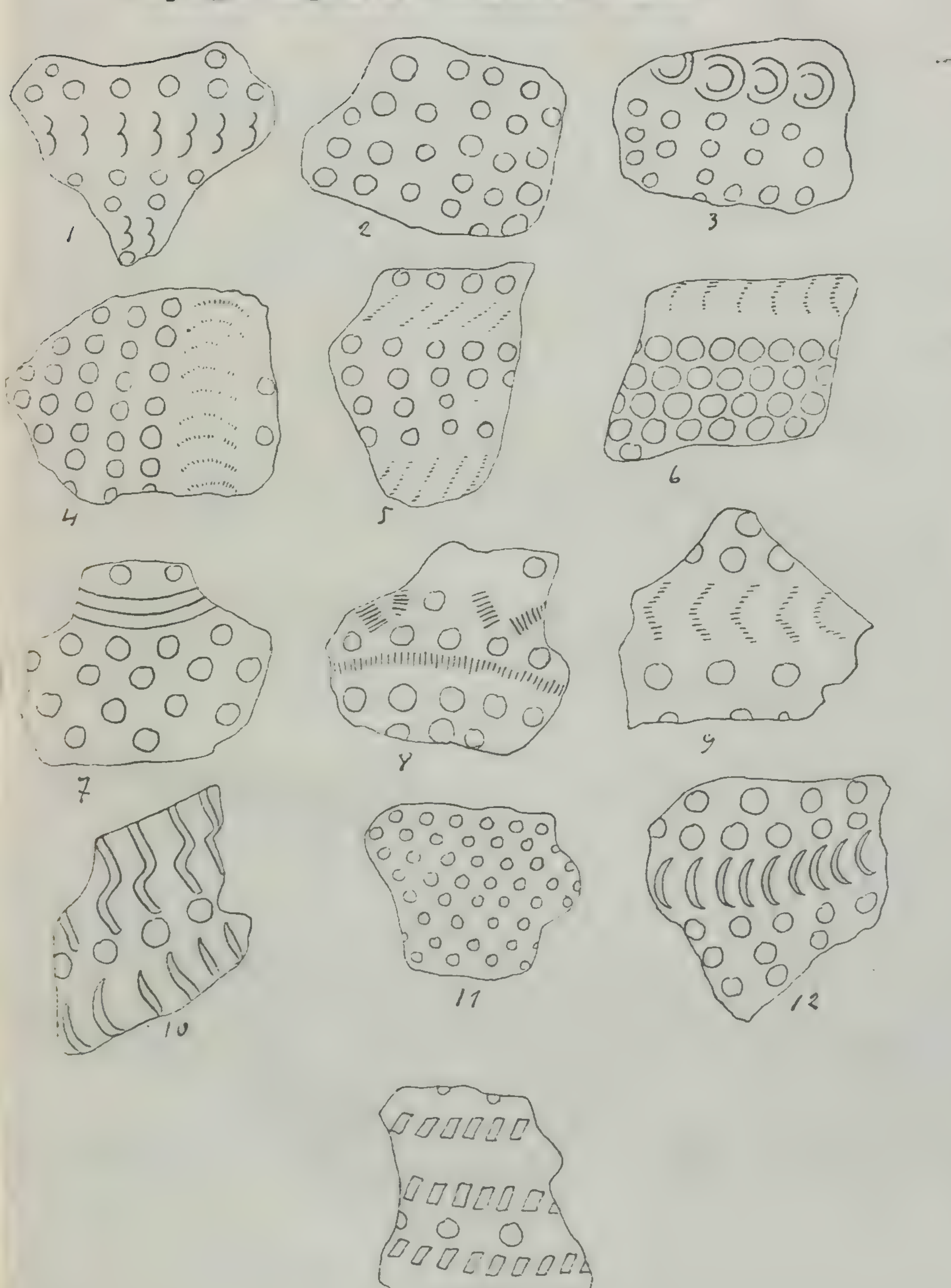

Таблица № 8.

Таблица № 9.

Образцы керамики Тешинских стоянок.

Мало-Акуловская стоянка.

(Раскопки в июне-июле 1926 года).

Знаменитая Волосовская дюна своим продолжением имеет ряд бугров: на север Чаадаевский, оказавшийся теперь уже за Окой, а на запад—Малоакуловский. Последний, названный по имени соседней деревни Малоакулова, отстоит от Волосова на 2,5 километра, отделяясь от этого селения луговой долиной, потопляемой ежегодно. К Малоакулову тоже идет пойма, так что во время весны незатопленными оказываются лишь дюнные возвышенности. Длина названного бугра довольно значительна—около километра, но по высоте бугор поднимается выше предельной линии водоразлива только в западной стороне, к Оке, на расстоянии 5-6 километров от последней. Здесь высота над уровнем поймы такая, что в самые большие весенние воды бугор остается непотопляемым на несколько метров. По соседству, в сторону Оки, находится довольно значительное по величине озеро-старое течение р. Велетьмы, в то время, как новое ее течение ушло далеко на север—в луга. В расстоянии километра, у деревни Малоакулово, находится остаток старой Оки в виде довольно большого озера.

Бугор, как и Волосовская дюна, имеет сплошь песчаное строение. Непотопляемая часть несет растительный покров из дубового и других лиственных пород мелколесья. Южная, потопляемая, постепенно понижается к пойме и покрыта жестким вереском и травами, приспособленным к тощей почве. Северная сторона, к Велетьме, ежегодно подмывается и имеет обрез по длине всей возвышенной части. Здесь, почти на средине разрушенной возвышенности, обнаружилась после водополья 1926 г. небольшая землянка (см. черт. № 1), метров 8 шириной и мт. 2 глубиной, овальной формы; на дне ее, вросши в корни деревьев, оказался горшок сравнительно крепко обожженный, тонкостенный, с орнаментом из линий [1]); тут же в обвале была найдена великолепной работы кремневая стрела ланцетовидной формы (фот. 2, № 3).

---

[1]) Дна не сохранилось, но оно должно быть плоским.

До этого времени я неоднократно проходил по всему бугру с целью обнаружения признаков древних жилищ; априори можно было предположить, что таковые здесь могли быть, но прямых результатов в этом смысле не оказывалось.

После только что сказанного обнаружения землянки, я устремил свое внимание на западный спуск бугра, к озеру, где, действительно, и была найдена настоящая стоянка.

Место это почти ежегодно уже потопляется. Соседний песок высокой части бугра, по мере обнажения от растительности, сползает и закрывает собой участок, который некогда был обитаемым. Пробными разрезами песчаного наноса была обнаружена культурная почва с ямочными и другими черепками и каменными орудиями.

Первая траншея шириной в 2 метра, проведенная с запада на восток, от подошвы бугра к высокой его части на 20 м. в длину и на глубину всего культурного слоя, дала следующий профиль: сверху шел желтый мелкий песок от 0 до 1 м., ниже темный слой, местами переходящий в совершенно черный от 0,5 до 2 м., подстилающий пласт-серый песок. Следующие пять таких же траншей проведены были параллельно и три траншеи перпендикулярно к ним, в головах у первых, к высокой части бугра, при чем последней траншеей с двух сторон обогнули все продольные, что дало возможность выкружить почти весь культурный слой по границе его с основным песком. В южную сторону, к пойме, противоположной Велетьме, шла поросль, отчего работы здесь стоили больших трудов и поэтому они остались неоконченными. Пробными колодцами по заросшему месту в этом направлении, впрочем, было установлено, что там осталось культурного участка немного—около 0,2 всего.

Участок в виде трапеции в количестве 900 кв. м. (см. план) представлял яму, дно которой значительно опускалось в пяти местах, не считая других небольших углублений. Соответственно этим углублениям обнаруживался особенно черный слой, содержащий в себе измельченный уголь и выщелочившуюся золу. Слой, соседящий с этими углублениями, имел более бурую окраску, но был также рыхл, как и первый. Можно думать, что землянок было несколько, при чем некоторые из них в разное время забрасывались и засорялись, затем на их местах по новому плану рылись новые Впоследствии разные природные агенты разрушали и эти сооружения, в довершение чего явилась позднее полая вода, которая размыла и окончательно осадила почву.

Находки подтверждают сказанное. Большинство вещей и черепков оказались на средней глубине, а некоторые в верхнем слое, что указывает, что предметы в свое время находились в надземных частях землянок, или за пределами постройки и затем, благодаря обвалам и разрушениям, свалились в ямы, попав в средний слой. Только в одном месте явственно обозначался очаг на дне ямы, где в зольном пласту и оказывались вещи: это был пункт в северном углу (на чертеже под б. А). Затем на дне же оказался горшок, раздавленный почвой в северовосточном углу (п. В.). Землянки, повидимому, были овальной формы размерами в среднем 3 на 4 м., ориентировка не постоянная, взаимное расположение также неправильное.

Пункт А. (черт. 2 и план., лит. А).

Яма около 5 метр. в длину и $3^1/_2$ м. в поперечнике, со стороны бугра представлялась отчасти заваленной оползшей почвой из соседнего участка. В поперечном разрезе очертания ее казались явственными с нежилой части бугра — с северной стороны, где бугор снижается к суходолу, бывшему когда то речным руслом; с противоположной, — соседние сооружения, как было уже сказано, нарушили расположение пластов, почему нельзя определить явственно границ землянки, ни размеров ее в ширину,—указанная цифра в $3^1/_2$ м. является приблизительной. Стенки, повидимому, не были отвесными, а шли покато или они оползли потом, если допустить, что у них когда то имелось укрепление вроде заваленки из деревянных жердей или плетня, что потом сгнило; дно, как будто, понижалось к середине.

Глубина 1,5 м., повидимому, получилась позднее, в действительности же была большей, т. к. эта часть жилого участка понижается ежегодными весенними размывами. Землянка из группы других была крайней к реке. На дне ее оказался зольник в виде круглого серого пятна, диаметром около 1 м.

В крае зольника оказались пять толстых скребков средней величины, грубой обделки и фигурный камень в виде головы птицы; все вещи побелели от огня. По соседству с ямой, в северозападном углу, на глубине 0,1 м. оказалась глиняная чашечка размерами немного более наперстка, с сосковидной ручкой и отверстием в последней для привязывания. Несколько южней, на глубине 15 см., найден был тонкий широкий скребок и другой скребок—кочедык, далее великолепное копье, которое лежало на поверхности

непосредственно под слоем песка (вероятно, было вымыто полой водой). С северо-восточной стороны ямы, на средней глубине, найдены были следующие вещи, не считая осколков и черепков: 1) скребков разных 5 шт., 2) нож, 3) конец ножа-пилы, 4) толстый скребок, 5) провертка в виде птичьего клюва, 6) провертка, 7) узкая стрела, 8) ланцетовидный скребок, 9) круглый скребок, 10) полукруглый (кожевенный) 11) задний конец долота, 12) часть плоского дна горшка, 13) черепок гладкостенного горшка, 14) каменное шило 15) глиняное кольцеобразное грузло.

По соседству с этим пунктом, в сторону бугра, оказался булыжник весом около пуда, выветрившийся и расколовшийся на 5 частей. Все камни лежали группой, непосредственно под слоем песка.

Пункт В. (план, лит. В.).

Этот пункт, захваченный, главным образом, 2 и 3 траншеями, дал наибольшую глубину в 1 м., с характерной перегорелой почвой. Очертаний ямы и явственных размеров ее определить нельзя, обозначалось только понижение дна траншей; место очага также осталось неустановленным, в виду того, что перегорелый слой расплылся по всей яме. На дне оказалась часть горшка с матерчатым орнаментом. Вещи находились к северу и северо-востоку от главной ямы, на глубине от 5 до 30 см., и располагались вдоль траншей 2 и 3. Здесь, не считая многочисленных кремневых осколков и черепков, главным образом с матерчатым орнаментом, найдены: 1) 7 разных скребков, между которых один кожевенного типа, обделанный ретушью, 2) провертка, 3) конец хорошо обделанной стрелы, 4) клевец, 5) плита из красноватого песчаника с перемычками по ребрам для привязи и плоскостью, обращенной в точильный брусок, 5) ладьевидных скребков 2 шт., 6) кривой скребок, 7) круглый скребок из песчаника, 8) передняя часть хорошо обделанного копья.

Пункт Б. (Черт. IV—Б; план, л. Б.).

Здесь глубина ямы доходила до 1,6 м., овал получил направление по длине траншей без явственного обозначения стенок в ширину; вещей на дне не оказалось совсем, а на средней глубине между прочим следующее: 1) толстый скребок, 2) тонкий скребок, 3) стрела, 4) точильный брусок (полукруглый), 5) кривой скребок, 6) кожевенный скребок,

7) тонкий скребок, 8) конец копья, 9) клювовидный скребок, 10) грузило из песчаника, 11) долотце из кремня грубой обделки и черепки с матерчатым и гребенчатым орнаментом.

Пункт Г. (Черт. II, пл., л. Г).

Глубина в этом пункте—1,8 см., а с поверхностным песком до 2,5 м. В сторону бугра и к северному его склону (к речке) очертания ямы давали фигуру, близкую к овалу. Присутствие угля придавало почве совершенно черный цвет. В северной стороне, близко к границе жилища—замечалось присутствие золы и найден был большой древесный уголь, напоминающий кусок доски. На дне, несколько в сторону от зольника, оказался толстостенный горшок средней величины, с отверстием в части горла и украшенный пальцевым орнаментом (см. образцы керамики); давлением почвы сосуд оказался совершенно смятым до разрыхления самой глины в отдельных частях,

Находками место оказалось довольно не бедным; кроме долота из желтого кремня, найденного на средней глубине в верхнем углу ямы, оказались на разных глубинах, без всякого порядка, вокруг зольника и над зольником, несколько разного вида скребков, не считая кремневых осколков, и несколько черепков с точечным орнаментом, часть плоского дна сосуда, ударник из песчаника, метательный камень, три обломка (задние концы) плохо обделанных копий и два подвеска из шифера.

К югу от п. Г. получилось значительное понижение общего дна выемки, в виде обозначившейся отдельной ямы, по величине близкой к землянке, оказавшейся в разрушенной части бугра. Яма продолговатой формы и ориентирована с юго-запада на северо-восток.

Пункт Д. (Черт. IV, л. Д).

Наибольшая глубина здесь—2 м., по соседству почва шоколадного цвета, присутствие золы и угля на небольшом участке в виде компактного пятна. Находки в беспорядке и большей частью ближе к поверхности. Из них наиболее важны: копья-буравы—2 шт., 2 стрелы, маленькое долотце, шило, тыльный конец долота и черепки с точечным орнаментом.

Пространство между п. п. Д и Б, по траншеям № 1 и VI, не представляя отдельного углубления (общая глубина около 1 м.), имело весьма темную, сильно перегорелую

почву, которая, будучи бедна какими либо вещами, кроме кремневых осколков, содержала черепки с чрезвычайно оригинальным рисунком, похожим на греческие „меандры", которые нигде в других пунктах не были найдены.

В промежутке между п. п. А и Б были найдены черепки с гребенчатым и матерчатым орнаментом, осколки кремней и на небольшой глубине оказался фигурный камень в виде „человека" или рыбы.

Оказавшийся в наших раскопках материал, подобно таковому же из других мест, может быть разделен на группы, соответственно тому или другому назначению представленных этими группами вещей.

Прежде всего орудия из некремневых пород, не постоянной формы, сравнительно значительные по величине, с желобком для привязи, это или ударники или грузила для сетей—точь-в-точь как в находках на Теше. Один из этих камней, плоский, мог служить определенно топором, хотя впоследствии ему придали другое назначение—точильного бруска.

Примыкающие к этой группе ударники из кремня не многочисленны и также имеют аналогию на Садовом Бору[1]). Камни той же формы, но менее значительные по величине, в Тешинских стоянках особенно попадались часто—они есть и здесь, на Велетьме. Ядрищами их считать нельзя, благодаря отсутствию правильных плоскостей, получаемых при технике отжима; большинство таких орудий обделано даже небрежно, как бы наскоро, лишь бы придать более или менее округлую форму. Такие камни я назвал метательными, с чем, между прочим, вполне согласен В. А. Городцов. Другого об'яснения трудно им и дать. (См. фотогр. 4 № 8).

Тот же род ударников из кремня, только вытянутой, а иногда и клювовидной формы, представляют „клевцы" (фот. т. 4, № 7). Их в Малоакуловской стоянке едва ли не больше, чем на Садовом Бору. Отделка, как там, так и здесь, грубая—видимо этот инструмент играл повседневную практическую роль и выделывался каждым.

Ни рубить, ни скоблить такими орудиями нельзя,—ими, очевидно, можно было пользоваться для удара. Будучи присаженными одной стороной в рукоять, вроде колотушки, чтобы что нибудь расколоть, пробить дыру в хрупком предмете, добивать зверя, пойманного разными способами, пробивать лед для зимней рыбной ловли—вот наиболее веро-

[1]) См. рис. орудия ст. Садовый бор—„ударники", рис. 1-2.

ятное применение такого орудия. Конечно, с помощью такого оружия можно было и воевать, если только в этом была надобность.

Столь же многочисленными, как и на Садовом Бору и у Сонина, являются средние и тонкие скребки с ретушью и без нее, применявшиеся в значении ножей. (Фот. 3, № 2 и фот. 4, № 2 и 6). Техника та же—отбивание ловким ударом и иногда дополнительная штриховка отжимником. Кремневых пластинок удлиненных, характерных для техники отжима, в Малоокуловской стоянке также оказалось мало, хотя здесь, между прочим, найдены и самые отжимники. Способ этот, как можно заключить по дополнительной обработке орудий, применялся, но, в противоположность Волосову, он здесь почему то не был распространенным.

Бросается в глаза обилие кожевенных скребков, причем большинство из них незначительной величины с полукруглым или овальным рабочим концом; попадаются экземпляры и с двухсторонней обделкой. К той же группе, по всей вероятности, следует отнести скребки в виде полного овала, почти круглые, из красного сланцеватого песчаника. (Фотогр. 4, № 3-5).

Довольно не мало скребков-кочедыков, (фот. 3, № 5). для сдирания коры и работы при плетении—тип вполне установившийся для подобной культуры и распространенный. Он варьируется от сравнительно широкого ладьевидного до узкого клювовидного-крючковатого. Первый я назвал бы „деруном", так как он больше пригоден для сдирания бересты, лыка и т. д., что до сих пор делается жителями лесных мест; второй—вид плоского загнутого шила для подковырки, при плетении изделий из прутьев, корней, лубяных полос и т. п.—соответствует „кочедыку".

Своеобразным в ряду подобного рода инструментов является экземпляр расширенной формы, также с загибом, где в качестве рабочей части выступает один носок в виде зубчика. Это резец по дереву или кости (фотогр. 1, № 7 и фот. 4 № 1).

Кремневых шильев довольно не мало, (фотогр. 3, № 4) из них есть различные по толщине, в одном случае такой инструмент напоминает птичью головку с длинным носком. Проверток в числе этого рода вещей, т. е. коротких шильев, с расширенным нерабочим концом,—немного.

Для полноты картины в отношении указанного вида орудий мною собраны тонкие кремневые осколки, могущие служить шильями. Отсутствие ретуши на них не мешает

такому заключению, подобно тому, как это мы сделали в отношении тонких плоских кремневых осколков—ножей.

Характерным явлением для нашей стоянки оказывается присутствие шлифованных орудий—долот (фотограф. 3, №№ 1, 7 и 8). Замечательно, что долота здесь почти все из кремня—материала крайне неподатливого для шлифовки. Названные орудия и по назначению и по технике их изготовления дают некоторый материал для соображений в смысле характеристики Малоакуловского пункта в отличие от Тешинских. Кроме цельных инструментов помянутого вида, имеется немало осколков от них, с частями шлифованной поверхности, каковые осколки могли употребляться затем самостоятельно в виде скребков-ножей. Тип долот обычный, с полукруглым желобковатым рабочим концом и тупым тыльем.

Топоров оказалось всего два и то чрезвычайно малого размера, годного лишь для срубания прутьев и тонких кустов. Топоры также из кремня и имеют хорошую заточку, (фотогр. 3, № 6).

Между долотами и топорами стоят сверла, небольшого калибра, число их очень ограничено (фот. 2-я, № 4).

Переходом от этого типа к стрелам и копьям являются буравы—орудия, похожие на копья, но более толстые, задний и передний конец которых обычно почти не различаются; по ширине они обыкновенно представляют полуовал, а по толщине кажутся сплюснутыми, благодаря чему ими можно не колоть, а резать. Будучи присажены к древку и приводимы во вращательное движение, такие инструменты могут буравить дерево, а то и камень, если последний будет уступать по крепости самому инструменту. В крайнем случае ими можно было пользоваться в качестве копий—при некоторой подправке конца в смысле заострения (фотогр. 2, № 1 и 6).

Копий, если считать и их обломанные концы (обыкновенно задние), в нашей стоянке оказалось довольно много (на фотограф. 1 гр. 3 и 4); следует отметить случай находки одного довольно большого копья в этом же месте до меня одним краеведом-любителем[1]).

Копье (см. ф. 2, № 2) аналогичное таковому из Волосова, из коллекции Уварова, хранящемуся в Муромском музее. Оба орудия, можно думать, вышли из рук одного и того же мастера-специалиста. Такой же работы и часть копья (перед-

---

[1]) Гусев, брат учителя с. Позднякова, Гусева Н. П., разведкам которого я весьма обязан; проходя по бугру после водополья 1925 г., он нашел помянутое копье. Копье листовидной формы, довольно хорошей обделки, из кремня тельного цвета. Размеры: длина 11,2 см., наибольшая ширина 5 см. и толщина 1,6.

ний конец) несколько меньшей величины (ф. 2, № 1). Малое копье (см. фот.) уже не столь совершенной выделки и иного типа (на длинной ножке). Другие копья совсем посредственной работы, а найденные нижние концы их (сами копья были сломаны при работе и утеряны) совсем уже кажутся грубыми (фот. 1-я, № 4). Последние, несомненно, являлись изделиями домашнего мастера, каковой факт мною отмечался и ранее в описаниях подобных находок на Ушне и в других местах.

В отношении стрел, однако, здесь нет такой резкой разницы: Малоакуловские стрелы, а их не мало, все почти великолепной выделки. Это же следует сказать и относительно стрелы, найденной у обвалившейся землянки. Все они узколистовидной формы (фот. 1, гр. 6-я).

Необходимо коснуться „фигурных камней" и подвесок. На Садовом Бору мы имели нечто в этом роде. Здесь фигурные камни напоминают формы животных и человека. „Утица" (фот. 3, № 9), сделанная из кремня, вышла несколько грубоватой, но сходство с натурой в общем схвачено верно. „Человек" (ф. 3, № 10) тоже представлен крайне схематично и еще схематичнее дана другая форма (ф. 3, 11), но это об'ясняется тем, что все это сделано из самого трудного в смысле обработки материала—кремня. По соседству, в Волосове до сих пор находят такие образцы художественного примитива и как раз и там фигурируют утицы, на ряду с другими, менее определенными, формами. Связь, следовательно, в этом отношении Малоакуловской стоянки с Волосовской культурой налицо[1]).

Шиферные подвески также напоминают Волосовские. Одна из двух найденных нами сказанного характера вещиц, в форме капли (фотогр. 1, № 1), весьма совершенно опилена и старательно отшлифована. Вследствие тонкости работы она не уцелела полностью — переломилась на месте отверстия. Другая подвеска довольно груба—это просто плоский кусочек камня с дырочкой (фот. 1, № 1а.) Отверстия проделаны в обоих вещах одинаково—посредством сверления с двух сторон.

Из других находок отмечен кусок сгоревшего дерева, обделанного плоско, на подобие доски. Дерево, кажется, хвойной породы и, вероятно, применялось в постройке, либо в хозяйстве. Сколько-нибудь определенно сказать о форме вещи—по скудному и вдобавок обуглившемуся обломку—нет

---

[1]) Имеются в виду находки старшего Волосовского могильника, находки последнего времени, колл. Муромского музея.

возможности, одно лишь можно установить: этот кусок древесины в известной мере был обтесанным.

Что касается керамики, то она в общем напоминает Тешинскую, но в рисунках меньше разнообразия[1]). Черепки с ямочным орнаментом и круглым дном сосуда по количеству ссставляют около одной десятой всего и представляют собой остатки девяти или десяти сосудов, при чем черепки каждого сорта в лучшем случае могут составить половину цельного горшка, в большинстве же это отдельные осколки.

Черепки от плоскодонных сосудов по орнаменту разделяются на 42 группы. Большое количество черепков с матерчатым орнаментом, при чем часть их имеет особые отпечатки по внутренней стенке, в виде полос разводами. Гребенчатый оттиск в виде украшения иногда перемежается веревочным, ямочным снаружи или изнутри. Некоторые образцы попадались на Теше и в Панфиловской стоянке.

Форма горшков тоже не представляет чего либо особенного.

Совершенно оригинальным представляются черепки от двух сссудов, Один из них от цилиндрического горла, повидимому, довольно большого сосуда, из бледнокрасной, плохо обожженной, глины с гребенчатым орнаментом в елку с соответствующим ему углубленным рисунком изнутри[2]). Другой образец довольно хорошего обжига из краснобурой глины с орнаментом коньками настолько сложной комбинации, что этому рисунку приходится отвести особое место (см рис. орнаментов Малоак. ст. № 24).

Такой рисунок „меандр“ до некоторой степени напоминает мордовское шитье на кокошниках и сороках, а также вязанье на кружевах западных финнов. К сожалению, таких черепков, как и в других образцах, опять таки всего 2—3, что составляет незначительную часть сосуда.

Из других изделий из глины оказалось грузило в виде жерновка не совсем правильной формы и своего рода курьез—малюсенькая чащечка (на фот. 1, № 17), размером немного более наперстка.

Какое назначение имела чашечка—сказать можно только с известной долей фантазии. Видевший эту вещицу этнограф Куфтин считает ее игрушкой. Представляя дело с более практической стороны, вещь можно бы считать ложкой, т. к. она имеет ручку и напоминает глиняные ложки из

[1]) См. рис. табл. I и II. Колич. рис. исчерпывает все образцы орнамента, в противоположность другим таблицам из Тешинск. стоянок, где представлена незначительная часть таковых.

[2]) Гр. Уваров подобный орнамент отметил в находках Ярославской губ., Уваров. Археологич. Росс., т. II, рис. 340, табл. 29.

финских могильников, но этому толкованию не отвечает малая величина предмета, да и случай подобный находки, пока что, является единственным.

После краткого обзора индустрии жителей Малоакуловской стоянки сделаем некоторые общие выводы относительно характера найденной культуры. Сравнительно подробное описание Тешинских населенных пунктов, которые в общем по находкам довольно близко стоят как к Волосову, так и к остальным местам по соседству, делает ненужным повторение всей картины жизни и быта обитателей нашего бугра; остановимся, главным образом, на том, что здесь оказывается характерного и оригинального в сравнении с другими культурными пунктами.

Прежде всего—величина бывших землянок. Размеры обвалившейся землянки в средней части бугра, в откосе, благодаря ее одинокому положению в соседней песчаной почве, хорошо видимы и дают представление о глубине и форме дна. Величина ее напоминает современные рыбацкие землянки в 4—5 метров в поперечнике, круглая или овальная, метра два ниже поверхности земли, с дном на подобие чаши, среди которого находился очаг, около последнего, как было сказано в своем месте, оказался горшок.

Землянки на месте произведенных раскопок не поддаются точному определению в смысле очертания и общей конфигурации, по причинам, также отмеченным в своем месте, но приблизительно были установлены в таком же роде. Землянки эти, следовательно, не были так велики, как это мне пришлось установить на Садовом Бору, хотя и не так малы, как у Сонина. Спрашивается: были ли это постоянные или временные, промысловые жилища?

В наше время место, где находились землянки, стало потопляемым и, следовательно, о жилье здесь, по крайней мере в пору весеннего речного разлива, не может быть и речи, за исключением той землянки, которая обнаружилась в высокой части бугра. Но строить так низко жилища здесь не было надобности, в виду соседней возвышенности, которая остается и в самые большие разливы непотопленной. Очевидно, в прежнее время место стоянки еще не было поймой. Разрезы почвы, сделанные В. А. Городцовым по другую сторону Оки, у Панфиловской стоянки, дали возможность судить о степени поднятия уровня местных речных отложений за время существования стоянки и они подтверждают сказанное и относительно нашего пункта.

Но весенний разлив угрожал найденной нами стоянке с другой стороны: бугор в это время представлял собой

сравнительно небольшой остров и жители его рисковали быть отрезанными в течение всего водополья от остального мира. Картина эта знакома всем жителям поймы до сих пор и особенности такой жизни заставляют к ней приспособляться.

Среди наших находок оказалось довольно большое количество желобковатых долот, свидетельствующих о судостроении и судоходстве. Значит, древние малоакуловцы, как и теперь, в противоположность жителям истоков малых рек, привыкли смотреть прямо в лицо опасности и находили выход с помощью лодок и плотов, насколько это оказывалось возможным. Умение плавать на примитивных судах и плотах давало возможность не только находить добычу в виде рыбы или дичи, но и позволяло неособенно замыкаться на своем острове вообще, приучая и развивая любовь к путешествиям с предпринимательской целью. Этим об'ясняются находки чрезвычайно любопытных керамических образцов, повидимому не местного происхождения.

Но поселения эти не были и только летними, о чем свидетельствуют многочисленные клевцы и другие орудия, служившие для пробивания льда при рыбной ловле и зверином гоне. Если представить тогдашнюю жизнь в подробностях, то наибольшая сумма удобств и благополучия в ней приходилась на первые зимние заморозки. В это время совершенно пропадал „гнус“[1]), самый главный бич всего живого в древности, начинались перегоны лосиных стад. подросшего, но еще неопытного молодняка, который так легко поддавался обманам скольского льда на озерах и реках; в полыньях полоскались жирные утки и гуси, от холодной воды становилась совершенно смирной рыба...

За такие занятия с наступлением зимы говорят и многочисленные нахождения здесь копий, ломавшихся у древка при отважной работе. Большой ассортимент кожевенных скребков и шильев свидетельствует о развитии здесь, при всем прочем, кожевенного и мехового дела.

Итак, близость поймы Оки делала обитателя Велетьмы не домоседом-лесовиком или охотником-следопытом, а более подвижным и смелым в своих поисках, чем другие жители захолустья. В сравнительно небольших землянках не было места целому роду, здесь могла уместиться трудовая семья. Разнообразные занятия, смотря по времени года, большая промысловость, чем простая форма „кормиться“ и, может быть, воинственный авантюризм—вот вероятный облик обитателей нашей стоянки,

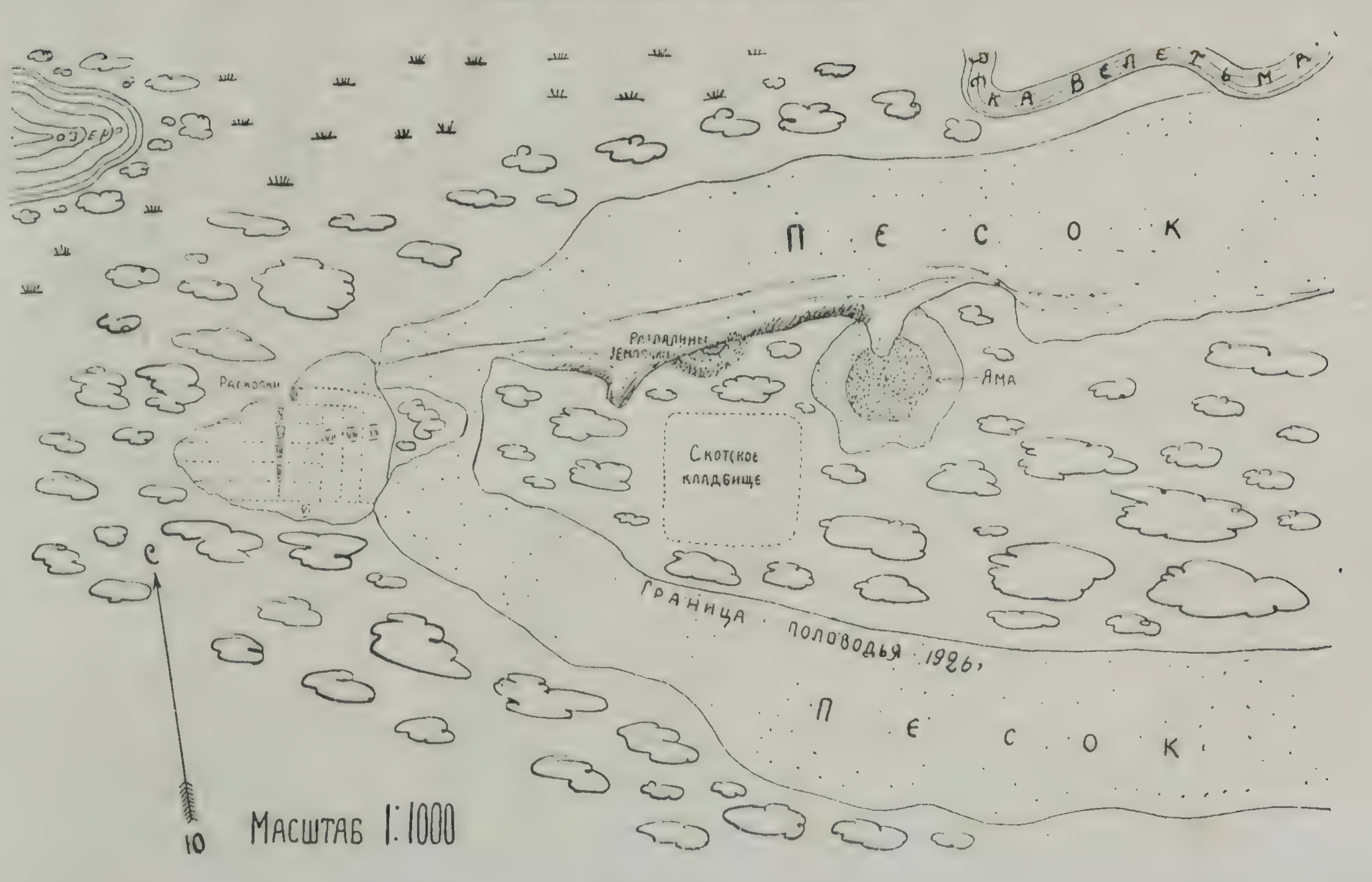
---

[1]) Комары и мошки.

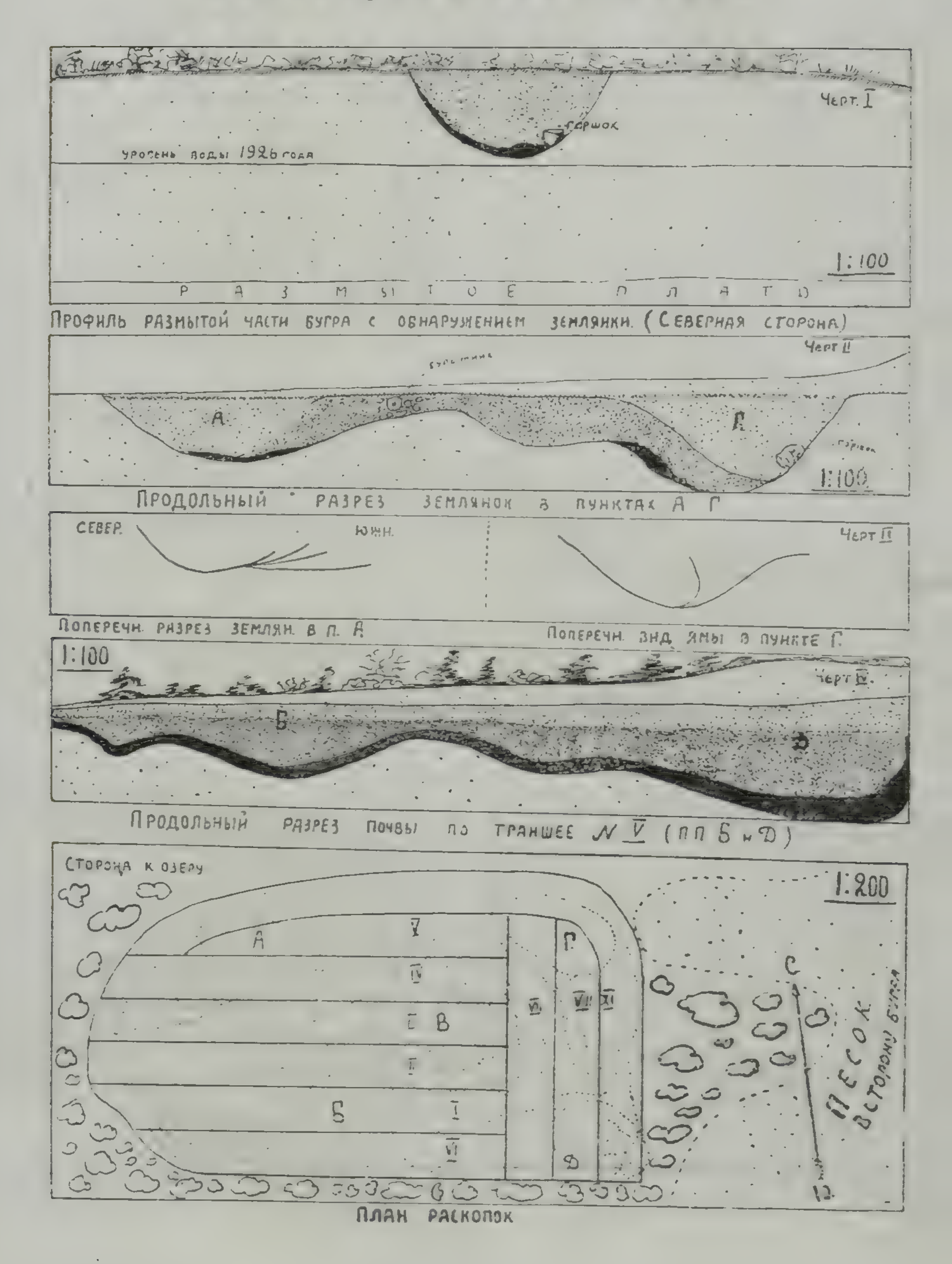
Что касается возраста и продолжительности существования описываемой культуры, то здесь вряд ли можно говорить в „абсолютных цифрах". Говоря относительно, я думаю, что начало стоянки относится к несколько более позднему, чем описанные жилища на Теше, времени. Руководящая керамика в общих чертах и в том и в другом случае одинакова: всюду присутствует круглодонный ямочный сосуд, но здесь, при кругловатой форме сосуда преобладает плоское дно, матерчатый и гребенчатый орнамент; некоторые новшества в малоакуловской культуре об'ясняются, как мы видели, возможностью заноса вещей издалека, что также указывает на более позднее время. В инструментах различные техники обделки камня: отбивная и отжимная,—доказательство того, что было домодельное мастерство и специальное, пользовавшееся по преимуществу отжимом. Большинство керамики поздней и сходство некоторых образцов ее с Панфиловской, где найдена была бронза, говорит за то, что стоянка дожила до палеометалла и, как знать, что предки нашей мордвы времен Геродота не жили в этих местах еще в каменном веке.

Малоакуловский бор.

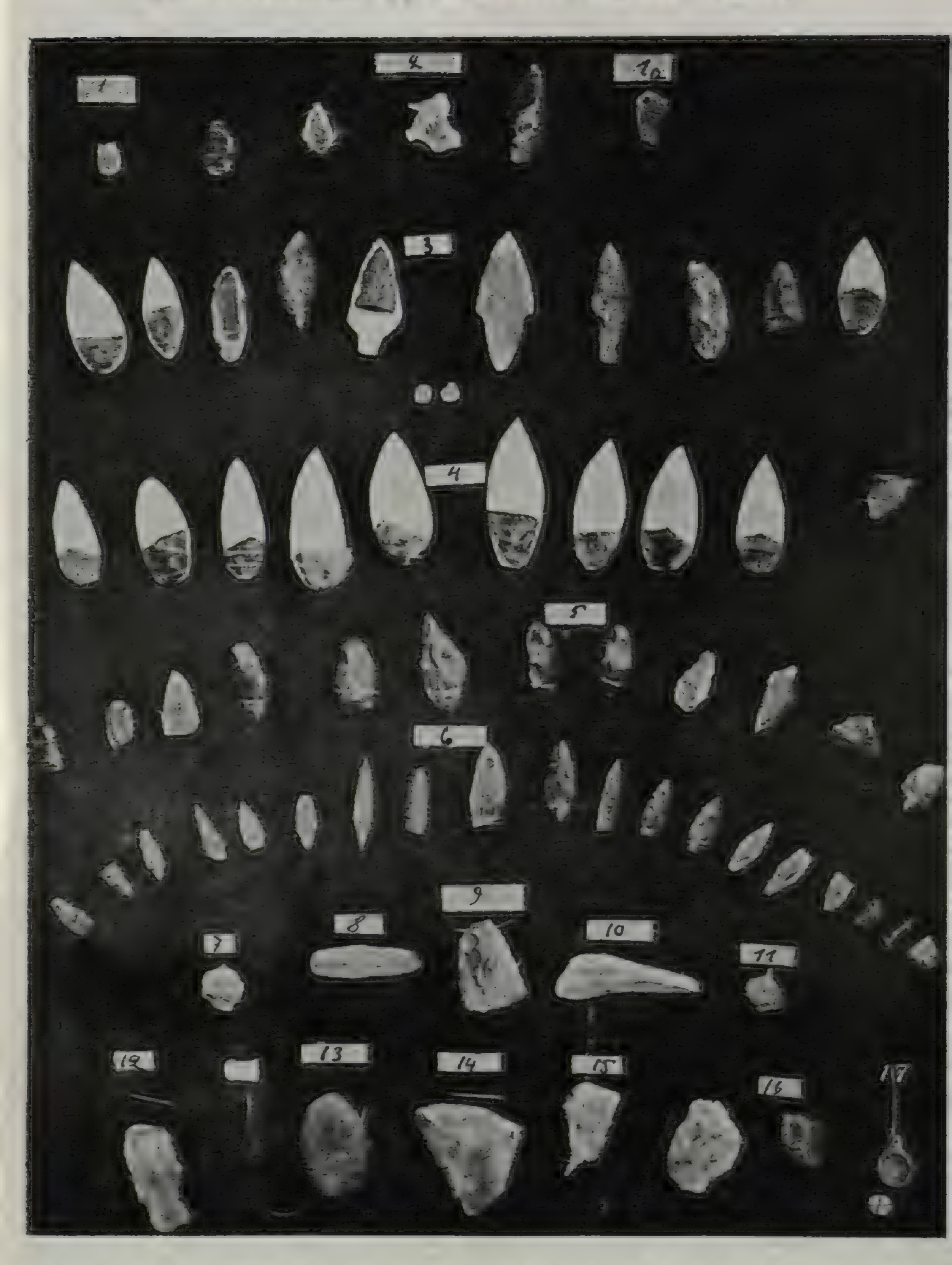
Раскопки в июне—июле 1926 года.

Малоакуловская стоянка.

Образцы каменных орудий Малоакуловской стоянки.

№ 1—подвески из шифера. № 2—фигурные камни. № 3-4—копья. № 5—сверла и буравы. № 6 стрелы, № 7—резец. № 8—нож, № 9—кожевенный скребок. № 10—кочедык, № 11—провертка. № 12—клевец, № 13—овальный скребок из песчаника, № 14—широкий тонкий скребок, № 15—проколка, № 16—метательные камни, № 17—чашечка из глины.

Образцы орудий Малоакуловской стоянки.

(В натуральную величину).

№ 1—копьецо из темносинего кремня. № 2—копье из тельножелтого кремня, № 3—стрела из желтого кремня (найдена в осыпавшейся землянке в высокой части бугра), № 4—бурав, или сверло и № 5-6—тоже.

Образцы орудий Малоакуловской стоянки.

(В натуральную величину).

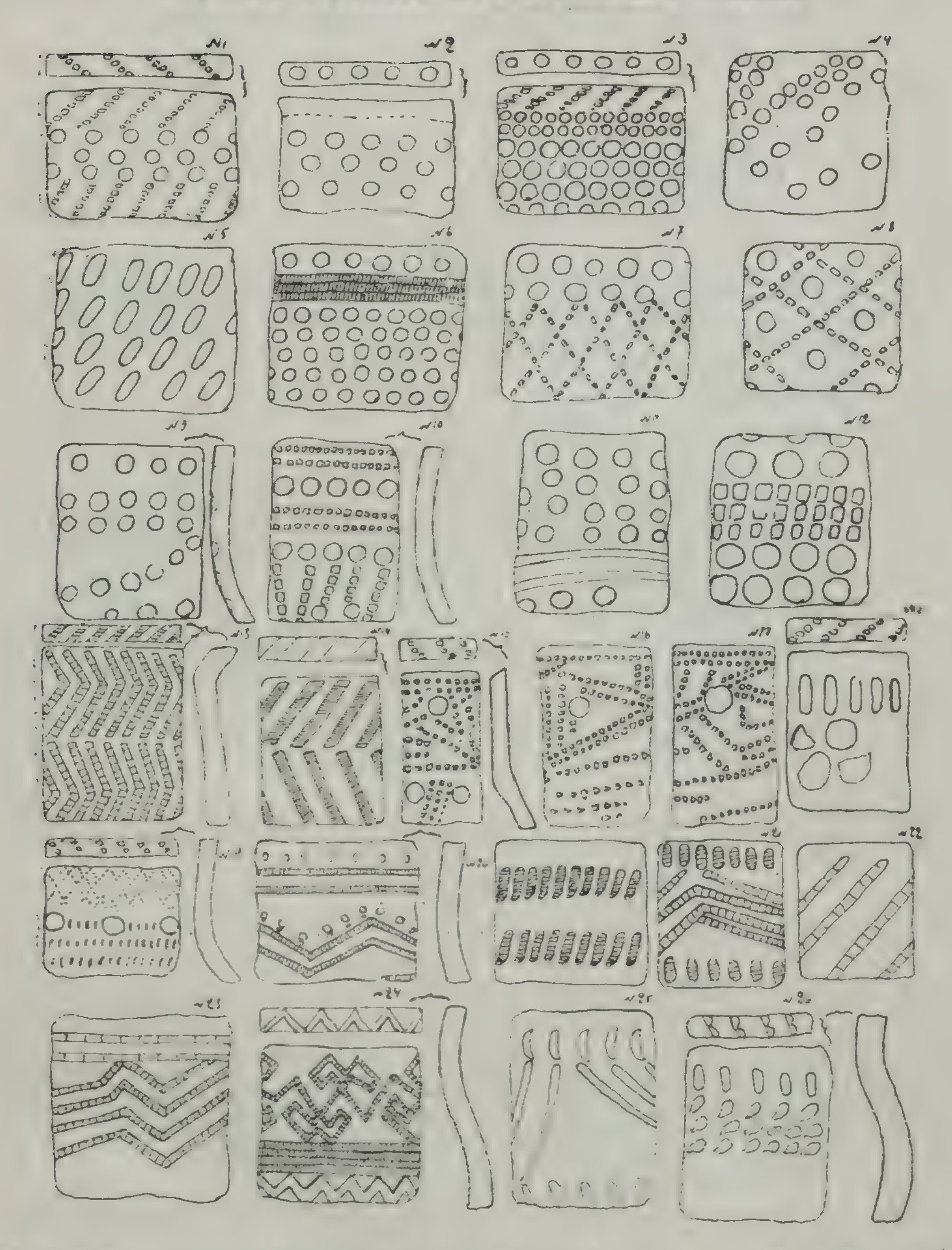
Образцы орудий Малоакуловской стоянки.

(В натуральную величину)

Таблица № 1.

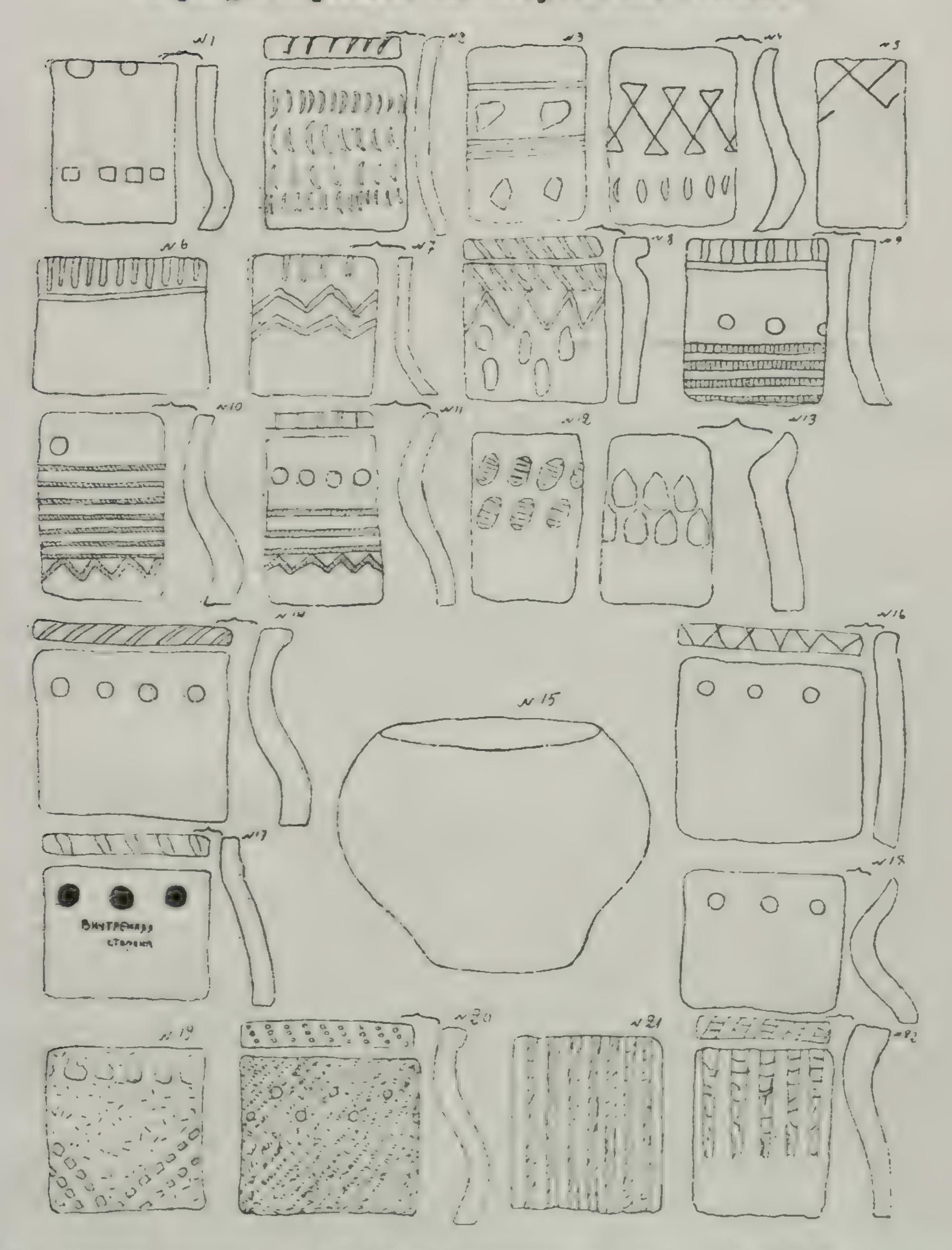
Образцы керамики Малоакуловской стоянки.

№№ 1-12—черепки с ямочным орнаментом, из красной и желтой глины плохого обжига. №№ 13-26—из сероватой глины, более крепкого обжига.

Таблица № 2.

Образцы керамики Малоакуловской стоянки.

№№ 1-11—черепки тонкостенные, № 12—от толстостенного сосуда, №№ 19-20—матерчатый орнамент.

И. П. БОГАТОВ.

СТАЛЕСЛЕСАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Сталеслесарная промышленность Вачского района.

В 60—80 верстах от г. Мурома, в северо-восточной части его уезда, на оврагах правого берега р. Оки раскинулся густонаселенный Вачский район. Он исстари славится своими ножевыми изделиями.

В настоящее время в этот район входят Арефинская, Новосельская и отчасти Яковцевская и Фоминская волости с населением первые две в 47658 чел. и вторые две в 26978 чел.

В районе работают несколько сталеслесарных и шлифовальных фабрик, ряд артелей металлистов и более 3000 ножевщиков и замочников.

Значение Вачского района особенно ярко вырисовывается при сопоставлении его со всемирно-известным Павловским районом. По данным переписи 1926 года в Павловском уезде насчитывается 9007 кустарей, в 4-х же волостях Вачского района—3527 кустарей.

По отдельным же видам промысла это соотношение еще более благоприятно для Вачского района: в ножевом, кузнечном и личильном производстве в Павловском уезде занято 4551 чел., а в Вачском районе—2998 чел.

Приблизительно таково же соотношение и цензовой промышленности, при чем лучшая в довоенное время ножевая ф-ка Д. Д. Кондратова находится в Вачском районе.

Между тем, в литературе о сталеслесарной промышленности России Вачскому району уделяется, обычно, слишком незначительное внимание по сравнению с Павловом.

Своей статьей я и имел в виду хотя отчасти восполнить этот пробел. При чем основное внимание мною сосредоточивается не на технике производства (она та же, что и в Павловском районе и описывалась уже не раз), а на выяснении тех сложнейших взаимоотношений между отдельными группами товаропроизводителей, разобраться в которых можно только после ознакомления с историей их развития.

Мануфактурный период.

Возникновение промысла. В каком году, кем и где по Вачскому району впервые была начата выработка ножей и замков точно установить невозможно.

Одно только не вызывает сомнений: промысел этот „вачкасами“ был перенят от павловцев.

Появление же сталеслесарного промысла в с. Павлове, обычно, относится к XVII веку.

Чулков в 1768 году уже писал, что: „жители Павлова почти все ружейные мастера и делают **преизрядные** ружья и замки. из коих замков иные так малы, как горошинки; здешние-же по России **славные** ножи того-же произведения“. .

Щекотин в 1805 г. о населении того же с. Павлова сообщал:

„оных (жителей) щитается около 3000 душ одного мужского пола, которые все, кроме некоторых, упражняются в слесарной работе и составляют как будто фабрику, на которой один работник заготовляет работу для другого; или также, по обыкновению англичан, каждой обрабатывает собливо одно что нибудь. Почему всякого возраста крестьяне здесь трудятся над работою ножей, вилок, ружей, пистолетов. замков и тому подобного. Они приобретают таким образом великое проворство в деле и многие между ими сделались совершенными мастерами, коими делаются здесь преизрядные ружья. Искуснейшие из них мастера делают и такие маленькие ружья, в которых весу не более 5 золотников бывает. При том же еще и самомалейшие замочки, которых, как сказывают, в сотне не более золотника весу, и сколь они ни малы, но можно их все отпирать и запирать; однакож сие делается по заказу и для одной токмо курьезности. Первые здешние мастера учились в Туле, а потом обучили и других, и так далее. Вещи их работы развозятся с Макарьевской ярмарки во все части России, а из Астрахани идут и в Персию“...

В Вачском районе кузнечное ремесло было известно еще с более глубокой древности. Так, в финских могильниках (VIII—X века) при д. Корниловке, Ефанове и Перемиловской пустыни найдены железные топоры, пешни, копья и ножи, иногда настолько хорошо закаленные, что их не берет подпилок.

Далее, в писцовых книгах Арефина под 1675-77 г. г. упоминается 7 кузниц.

Начало замочно-ножевого производства в Вачском районе фабрикант Д. Д. Кондратов относит к 1780 году, хотя

в „Топографическом описании Владимир. губ. в 1784 г.“ ни о ножевом, ни о замочном производстве в Муромском у. не говорится ни слова. В „ведомости о Муромской округе“ 1797 года в селах Арефине (24), Новоселках (6), Ваче (4) и Польце (3) упоминается 37 кузниц, но умалчивается о ножево-замочном промысле. Точно также и А. Щекотин (1801—1807 г.), описывая Погост, Новоселки, Вачу и занятия их населения, молчит о сталеслесарном промысле.

Поэтому, более правдоподобно то, что рассказывает о возникновении промысла В. Григорьев: в начале XIX века в Ваче было много кузниц для сварки ружейных стволов. Один из таких кузнецов, Потап Андреянов, первый начал в Ваче производство хлебного и частью столового ножа: выучась в Павлове шлифовке, он привез с собой двух мастеров для отделки хлебных ножей и для насадки их на черенки.

Дмитрий Иванович Кондратов, начавший производство хлебного ножа в тридцатых годах, тоже учился в Павлове, у Молокина.

В „Статистическом обозрении Владимир. губ. за 1817 г.“ среди разных „рукоделий“, которыми занимались жители 40 селений Муромского уезда, уже указывается выделка железных замков, ружейных стволов, столовых ножей и вилок.

Состояние промысла в 40—60 годах.

Более определенные сведения о районе имеются только с 40-х годов XIX столетия.

Так, в 1841 году „мастеровых, которые занимаются в своих домах кузнечным мастерством, отделкой железных и стальных изделий, как-то: столовых ножей, ножниц, замков, считалось в разных селениях до 1000 человек“.

В 1825-1855 годах „по Багратионовской волости*) отделкой ножей и вилок занималось 269 чел., отделкой замков—243 чел., вообще кузнечным ремеслом—217 чел., а всего 729 чел. из 4000 ревизских душ, или одна треть всех взрослых работников“.

Кроме того, „в соседних помещичьих селениях по направлению от Зяблицкого погоста к Павлову и Ворсме тот же промысел. В них насчитывалось до 300 ремесленников“.

При этом уже тогда сталеслесарники работали в большей части по найму от „фабрикантов“. В некоторых селениях производились исключительно ножи, в некоторых—замки, а в некоторых население занималось исключительно шлифовкой ножей.

„Сырье для изделий покупалось у „фабрикантов и торговцев из лавок с. Павлова. Узкого прутового железа при-

*) В состав Багратионовской вол. входили д. Еремеево, Сенюкова, Платцово, Турбенево, Кулаково и Аксентьево.

обреталось для всего района 20—25 тысяч пудов по 1½—2 р. за пуд, стали простой для ножей — до 10 тысяч пудов по 1 р. 75 коп.—2 р. 50 коп. и высокого сорта литой стали — до 2 тысяч пудов по 8 р.—11 р. за пуд".

„Изделия сбывались в с. Павлове, при чем продажа их производилась за наличные деньги и частью на мену железа и стали, **не полагая никаких между собой сроков в расчетах, но при самой торговле, или мене оканчивая свои сделки**".

„Средним барышем и вместе задельной платой, принимая 100 руб. серебром на каждого рабочего, Багратионовская волость с соседними помещичьими селениями получала в год до 120 тыс. рублей сер. за свои железные изделия, которых вырабатывалось там на 240 тыс. рублей сер.".

Кузница.

Что представляли из себя отдельные сталеслесарные заведения того времени, показывает ведомость за 1862 год „фабрики" стальных изделий, состоящей в с. Ваче и принадлежащей временно обязанным крестьянам князя С. Г. Голицына Дмитрию и Семену Павловым Тычкиным, сохранившаяся в архиве Муромского полицейского управления:

„Фабрика помещается при доме*) фабрикантов Тычкиных. Внутри фабрики машин не имеется, кроме обыкновенного верстака с тисками. Работают сами Тычкины. За год сработано 250 дюжин столовых ножей и вилок на 625 рублей"...

*) Обычно, в нижнем этаже, или „светлом" подвале дома.

Иногда при таких заведениях устраивались шлифовалки, на которых несколько шлифовальных колес („чарков“—деревянный круг, обтянутый кожей с наждаком) приводилось в действие конной, или водяной силой.

Некоторые из товаропроизводителей нанимали 2—3 рабочих Небольшая же часть их не только имели вольнонаемных рабочих в своих мастерских, но и эксплоатировали целый ряд других мастерских на стороне.

Мануфактурные мастерские. Первая такая „фабрика“ (точнее, мануфактурная мастерская) была основана в Вачском районе крепостным крестьянином князя Голицына И. С. Коробковым в с. Ваче, в 1820 году.

Через десять лет—в 1831 году—другой крепостной крестьянин с. Вачи Д. И. Кондратов открыл вторую „фабрику“, впоследствии получившую всемирную известность.

Сначала он работал один с сыном, средства их росли медленно; им доводилось порою пешком ходить с кошелем своих изделий в Павлово; в 1840 г. у них был капитал всего в 300 р. асс., но лишь им удалось зашибить деньгу на столько, чтобы нанять несколько рабочих, их дела пошли ходко.

Дальнейшее развитие мануфактур (с числом рабочих свыше 15 чел. и суммой пр-ва свыше 1000 р.) явствует из следующих данных:

в 1852 году было „ф-к“ 2 с 129 рабочими и суммой производства в 17500 руб.;

в 1857-9 годы было „ф-к“ 3 с 394 рабочими и суммой производства в 69150 руб.;

и в 1862 году было „ф-к“ 5 с 378 рабочими и суммой производства в 96520 руб.

Оборудование этих мастерских было не из затейливых и отличалось от оборудования заведений мелких товаропроизводителей только большим количеством инструментов.

Даже самая большая из мануфактурных мастерских (Д. Д. Кондратова) в 1852 году помещалась „в 4 деревянных строениях: в одном двухэтажном находилась слесарня и правильня, в ней 15 ручных слесарных тисков при 4 наковальнях, тут же особое отделение для окончательной полировки стальных изделий кровавиком и верстак, на котором производится полировка деревянных и костяных ручек у ножей, вилок и др. изделий. В другом строении помещается 5 точил из жернового камня, на коих стальные вещи по их выправке молотком получают тот вид, который они должны иметь в отделке. Здесь же производится шлифовка вещей нажда-

ком после их закалки в постном масле, смешанном с роговыми стружками. Шлифовальные колеса приводятся в действие помощью лошади и конного привода. В третьем, вновь возведенном строении находится 12 слесарных тисков, а в четвертом—кузница при 3 горнах для закаливания стальных изделий“...

Во всех же мануфактурных мастерских в 1859 г. было 29 верстаков с тисками и 3 (2 конных и 1 водяная) шлифовалок („личилок“) на 16 чарков, а в 1862 году—42 верстака и 4 (3 конных и 1 водяная) шлифовалок на 18 чарков.

Состав рабочей силы виден из следующей таблицы:

	На фабрике				Вне фабрики				ИТОГО	
	Совершенно отделывающие		Шлифовальщики		Ковали		Шлифовальщики			
	1859	1862	1859	1862	1859	1862	1859	1862	1859	1862
Д. Д. Кондратов	70	70	8	8	210	180	см. ковали		288	258
И. О. Коробков	20	16	4	—	45	22	16	12	85	50
А. и Д. Сергеевы (Горы)	8	8	4	4	9	9	—	—	21	21
А. Китов (Глебово) . . .	—	9	—	3	—	4	—	—	—	16
А. Дмитриев (Деревнищи)	—	10	—	3	—	20	—	—	—	33
Итого . .	98	113	16	18	264	235	16	12	394	398

В этой таблице бросается в глаза тот факт, что владельцы мануфактурных мастерских „рабочим на стороне“ поручали лишь изготовление „изделий вчерне“ (ковку и подготовку). Совершенная же отделка велась в своих мастерских, где, наоборот, не было ни одного коваля и подготовщика.

Прием „изделий вчерне“, браковку и закалку всех изделий производили сами „фабриканты“.

Вырабатывались в Вачском районе сначала морские (рыбные) и простые хлебные ножи. Затем начали работать столовый нож (как мы видели раньше, о выработке столовых ножей упоминается уже в 1817 году), а в 1858 году Д. Д. Кондратов первым в районе ввел выделку перочинных ножей, ножниц и плотничьих, столярных инструментов.

Размеры выработки изделий, их цена и сумма производства явствуют из таблицы:

	Единица	Цена		Д. Д. Кондратов		И. О. Коробков		А. и Д. Сергеевы		А. Китов		А. Дмитриев		ИТОГО	
		От	До	1859	1862	1859	1862	1859	1862	1859	1862	1859	1862	1859	1862
Ножи столовые .	д-ж	1-80	25—	6000	8000	2000	2000	800	800	—	500	—	500	8890	11800
„ поварские	шт.	17	1-25	20000	10000	11000	5000	2150	2000		3000	—	5000	33150	25000
„ сапож. и шорн	„	— 7	—10	70000	10000	—	7000	—	—	—	—	—	3000	70000	20000
„ морские .	„	— 25	1—	10000	10500	—	—	—	—	—	—	—	—	10000	10500
„ хлеб. и марк.	„	— 7	1-50	30000	32000	10000	5500	3000	10000	—	5000	—	4050	43000	56550
„ перочинные	д-ж	3—	25—	500	500	—	—	—	—	—	—	—	—	500	500
Ножницы . . .	„	3—	60—	300	150	—	—	—	—	—	—	—	—	300	150
Плотничные и столярные инструм.	шт.	—	—	на3000	10000	—	—	—	—	—	—	—	—	3000	10000
Итого .	шт.	—	—	293,6т.	275 т.	69 т.	65,5 т.	24,35	31,2 т.	—	20 т.	—	24,5т.	356,95	416,2т.
Сумма пр-ва в рб.	—	—	—	54400	69500	12000	13800	2750	4750	—	4050	—	3970	69150	96520

Примечание: 1) при подсчете итогов выработки дюжина столовых ножей бралась за 24 шт., т. к. со столовыми ножами в дюжинах свертывались и вилки.

Примечание: 2) цены по отдельным предприятиям колебались несколько в меньшем размере: столовые ножи у Д. Д. Кондратова стоили от 2 р. 15 к. до 25 р., у И. О. Коробкова—от 1 р. 80 к. до 25 р., у А. и Д. Сергеевых и А. Китова—от 2 р. до 5 руб. и у А. Дмитриева—от 2 до 10 руб.

Сбыт изделий и покупка сырья всеми мануфактуристами производились в Павлове, Москве, Петербурге и на Нижегородской ярмарке. Д. Д. Кондратов плотничьи и столярные инструменты поставлял в адмиралтейство.

Сталь шла преимущественно с русских заводов: так, фабрикой Д. Д. Кондратова в 1852 году израсходовано было 15 пуд. английской стали и 500 пуд. стали сибирских заводов.

Производительность рабочего за 1862 год:

у крупных мануфактуристов равнялась 270,5 руб. в год.
у мелких „ „ 182,3 „ „

Заключение. Таким образом, до 60-х годов XIX столетия число мануфактур увеличивалось вяло, что говорит о тогдашних трудностях для мелкого товаропроизводителя—крепостного крестьянина—„встать на ноги".

Но увеличение капитала в тех мануфактурах, которые были открыты, происходило очень быстро: за 10 лет (с 1852 до 1862 года) сумма производства их увеличилась в 5,5 раз.

Особенно быстро шло развитие мастерской Д. Д. Кондратова: за те же 10 лет сумма ее производства выросла с 12000 р. до 69500 р., то есть в 5,8 раз.

И перед этой „фабрикой" уже в то время встал вопрос о применении паровой, механической силы.

В 1868 году Д. Д. Кондратов первым в районе установил в своей мастерской паровую машину в 10 лош. сил, пока приводившую в действие только шлифовальные станки.

Это было крупным событием в Вачском районе, свидетельствовавшим о том, что промышленность района встала на путь механизации.

Перед расцветом капитализма.

С конца 60-х годов, а особенно, в 70-х и 80-х годах XIX века в Вачском районе начался бурный рост сталеслесарного промысла.

Уже в 1873 году из 7 тысяч человек, живших в 46 селениях этого района, сталеслесарным промыслом занимались 3500 человек. Ножевых кузниц насчитывалось 158, кузниц для закалки ножей—5, водяных личилок—34, паровых личи-

лок—2 и отделывающих заведений 49. Изделий вырабатывалось на 500 тысяч рублей.

В 1880 г. в Багратионовской вол. промыслом было занято 66 проц., Вачской вол. — 51 проц., Новосельской—39 проц., Арефинской и Варежской—36 проц. и Казаковской—16 проц. мужчин от 18 до 60 лет. По сведениям 1885 г. „в 46 селениях занимались ножевым и замочным промыслом 3600 чел., вырабатывающие изделий на 450 тыс. руб. и зарабатывающие 140 тыс. руб.".

И, наконец, переписью 1897 года в 104 селениях, имеющих не менее 3 сталеслесарников, зарегистрировано было ножевщиков—3079 мужчин и 75 женщин и замочников—569 муж. и 8 женщин.

Всего в 1880-90 годах XIX века Н. Добрынкин насчитывал до 500 предприятий (кузниц, шлифовалок, мануфактурных мастерских и т. д.):

	Арефинск.	Новосельск.	Монаковск.	Яковцевск.	ИТОГО
	в границах 1927 года				
Мастерство стал. изд. . .	3	35	—	—	38
Кузницы ножей и т. п. .	248	131	—	2	381
Шлифов. заведений . .	8	11	4	3	26
„ паровых . . .	—	4	—	—	4
Заведений ножевых . .	21	29	—	—	50
„ по выделке черен.	—	—	—	2	2
„ по насадке ножей	—	5	—	1	6
„ по закалке ножей	—	1	—	—	1
„ по выделке ножниц	3	—	—	—	3
„ „ вис. замк. .	2	—	—	—	2
„ „ сундуч. замк.	9	—	—	—	9
„ „ щипцов .	1	2	—	—	3
„ „ шпилек жел	1	—	—	—	1
„ „ жестян. изд.	1	—	—	—	1
„ „ чеканных .	1	—	—	—	1
„ „ коромысел ж.	1	—	—	—	1

Однако, и это количество было далеко не полным, так как В. Григорьев для 1880-81 года только по Багратионовской, Варежской, Арефинской и Вачской волостям дает 490 заведений кустарей-одиночек, 233 заведения кустарей, работающих с членами семьи, 66 предприятий с 134 взрослыми и 20 малолетними наемными рабочими и 2 предприятия с 201 взрослым и 54 малолетними наемными рабочими.

Одновременно с этим быстро развивались существовавшие раньше и возникали новые мануфактурные мастерские и предприятия с суммой производства свыше 1000 рублей, что ясно уже доказывают сведения о времени открытия всех этих предприятий.

предприятие	А. С. Вахромова (Поповка)	открыто	в 1850 г.
„	Е. Е. Полюшкова „	„	„ 1870 „
„	М. Ф. Сидорова (Городищи)	„	„ 1872 „
„	В. Д. Кондратова (Вача)	„	„ 1887 „
„	Т. И. Иванова (Казаково)	„	„ 1870 „
„	Н. Ф. Зинцева „	„	„ 1871 „
„	Д. К. Старцева (Поповка)	„	„ 1865 „
„	В. Г. Грошкова (Горбаново)	„	„ 1879 „
„	Ф. и Д. Семеновых (Беляйково)	„	„ 1884 „
„	И. и А. Сидоровых (Городищи)	„	„ 1872 „
„	И. И. Зверева (Горбуниха)	„	„ 1870 „
„	Тоннихс (шлифов. в с. Лобкове)	„	„ 1871 „
„	Л. и А. Завьяловых (Новос.) *)	„	„ 1893 „
„	М. В. Волкова (Медоварцево)	„	„ 1890 „
Шлифовалки	Д. Д. Кондратова (Лобково)	„	„ 1893 „
„	В. Д. „ (Лесниково)	„	„ 1881 „
„	О. Н. Важдаева (Медоварцево)	„	„ 1885 „
„	Симонова, затем		
„	А. Г. Валединского (Лесниково)	„	„ 1887 „
„	И. И. Гнездина (Жекино)	„	„ 1889 „
„	С. Г. Валединского (Еловка)	„	„ 1881 „
„	В. М. Серова (Новоселки)	„	„ 1883 „
		(сгорела	„ 1886 „

Таким образом, из 21 предприятия возникло: в 1850-х годах—1, в 1860-х—1, в 1870—7, в 1880-х—9 и в 1890-х—3.

О быстром же темпе развития мануфактурных мастерских свидетельствуют и такие данные о предприятиях с суммой пр-ва свыше 1000 рублей:

в 1870 году было предприятий 3, рабочих 706 и сумма пр-ва 119395 р.,

---

*) Сначала была организована раздаточная контора в Ваче, в 1895 г. в Новоселках устроена мастерская и калильня без машины и в 189[illegible] г. поставлена пар. машина. Между прочим, в числе членов правления т-ва Л. и А. Завьяловых был О. И. Коробов.

в 1873 году было предприятий 4, рабочих 724 и сумма пр-ва 155150 р.,

в 1884 году было предприятий 9, рабочих 760 и сумма пр-ва 255241 р.,

в 1888 году было предприятий 12, рабочих 688*) и сумма пр-ва 209341 р ,

Дальнейший рост, вследствие передачи с 1895 г, ведения фабричной статистики фабричным инспекторам, мы можем выявить только в отношении сталеслесарных предприятий (исключая шлифовалок), имеющих паровые машины.

Этот рост определяется табличкой:

в 1873 г. предприятий было 1, рабочих на ф-ке 200, паровая сила в 10 л с. и сумма пр-ва 124640 р.,

в 1888 г. предприятий было 2, рабочих на ф-ке 235, паровая сила в 22 л. с и сумма пр-ва 194056 р.,

в 1890 г. предприятий было 2, рабочих на ф-ке 265, паровая сила в 26 л. с.

и в 1897 г. предприятий было 5, рабочих на ф-ке 701, паровая сила в 104 л. с. и сумма пр-ва 472130 р.

И, наконец, о росте мануфактур свидетельствуют также и официальные статистические сведения Муромского полицейского управления, а также сведения, опубликованные в „Сборнике статистических и справочных сведений по Владим. губ.“ (вып. 1.), изданном Владгубземством в 1898 г.

Однако, следует оговориться, что эти сведения не точны, так как они, как показала проверка их по архивным данным, включают не только мастерские с числом рабочих меньше 15 человек (хотя с суммой пр-ва свыше 1000 р.), но и заведения мелких товаропроизводителей, в которых даже не применялась наемная рабочая сила, а сумма производства которых равнялась 200—500 руб.

По этим материалам развитие предприятий района выражается в следующих цифрах:

	Отчеты полиции			„Сборник“		
	Завeден.	Рабоч.	Сумма пр-ва	Завeден.	Рабоч.	Сумма пр-ва
1869	2	80	90,3	—	—	—
1874	6	266	137,8	—	—	—
1885	28	634	212,9	13	593	209
1888	—	—	—	15	749	226
1890	—	—	—	15	820	212
1897	30	3000	650	—	—	—
1899	29	3907	816,4	—	—	—

*) Уменьшение числа рабочих и суммы пр-ва об'ясняется тем, что в 1883—1884 г. вместе с фабрикой Д. Д. Кондратова приводились данные и об ее отделении в с. Вореме и шлифовалки на р. Сереже, в 1888 же году последние выключены.

Мелкие товаропроизводители. Рассмотрим теперь более подробно состояние предприятий мелких товаропроизводителей.

О них мы имеем такие сведения для 1873 года:

„лишь немногие из них работают на рынок, а **большинство свои изделия отдают на сырье плюс небольшая сумма денег, или с‘естных припасов.** Вся работа производится в ручную, только полировка делается механическим путем. Мастерство делится на несколько детальных работ, так что нож и вилка побывают в руках многих мастеров: ковалей, обрезальщиков, обтиральщиков, клеймильщиков, калильщиков, личильщиков, черенщиков и вертельщиков“... Сталь покупается в с. Павлове—литая, английская по 6 р. 50 к. — 6 р. 80 к. за пуд и морянка, русская—по 3 р. 50 к. Кроме того, кустари употребляют рессорную сталь. Последняя торговцами покупается на Нижегородской ярмарке, большими партиями, огулом, плохая и хорошая, пудов по 1000 и более, складывается в кучи, из которых кустари сами делают выбор; при этом за сталь первого выбора бралось 3 р., второго выбора—2 р. 50 к. и третьего выбора—1 р. 80 к. за пуд“...

Здесь необходимо добавить, что большая часть железа и стали употреблялась кустарями района в виде разных обрезков, остающихся на железных заводах, изломанных и вышедших из употребления инструментов и пр.

Так, напр., замочники употребляли старые железные формы для сахарных голов, попадающие сюда с сахарных заводов, железные обручи, которыми связываются тюки хлопчатой бумаги и пр., для ножей и ножниц шла сталь и железо с подвижных составов железных дорог (негодные рессоры, буферные пружины, рамы), а также всякие вышедшие из употребления инструменты и части машин механических и пароходных заводов; подпилки делались из стальных веретен с бумаго-прядильных фабрик.

Словом, **всякая железная ветошь и всякая негодная стальная вещь находила свое место у кустаря-сталеслесарника**, о чем необходимо помнить особенно сейчас, когда страна переживает большую нужду в черных металлах.

Из ведомостей о „фабриках“ за 1873 год мы узнаем, что по 6 предприятиям мелких товаропроизводителей (К. Дмитриева, Д. А. Савина, В. А. Савина и А. Д. Викулова—в Деревнищах, Я. Ф. Тычкина—в Ваче и Е. Е. Полюшкова—в Поповке) работало 21 членов семей и 2 наемных рабочих. Предприятия помещались в нижних этажах деревянных домов их владельцев и были оборудованы: 7 верста-

ками 4 горнами и 6 шлифовальными станками. Выработано за 1873 год было 1680 дюж. столовых ножей по 70 к.— 2 р. 50 к., всего на 2646 рублей (сумма производства отдельных предприятий от 130 р. до 1250 руб.).

В 1888 году на 12 подобных предприятиях (в с. Ваче— И. А. Чупрова, Я. Ф. Тычкина, Г. Я. Киселева; в Деревнищах — К. Дмитриева, в Городищах — И. Ф. Щелокова, И. О. Сибрикова, в Поповке—Е. Е. Полюшкова; в Горах— А. Сергеева и А. Кондратова; в Медоварцеве—В. Волкова, А. Рябцова и М. И. Петрова) было 32 рабочих (гл. образом, члены семей). Оборудование предприятий состояло из 27 шлифов. станков, 19 верстаков с 31 тисками и 12 горнов. Выработано было 3800 дюж. столовых, 500 шт. поварских, 12000 шт. хлебных, 4000 башмачных ножей и 125 дюж. весовых коромысел, всего на 6755 рублей. Израсходовано литой стали 160 пуд., слесарной стали 270 пуд., железа 300 пуд., наждаку— 2 п., купороса 20 ф., рябинового дерева 430 п., пальмы— 250 пуд., сандалу—10 пуд. и свинца 15 пудов.

Мастерская ножевщика.

В общем, кустарь-замочник для того, чтобы начать работу, должен был в 1880 г. затратить на оборудование 27 р. 80 к., кустарь-перочинник—13 р. 85 к. и кузнец— 86 р. 70 к.

Оборотный их капитал равнялся 12 р.—24 руб., так как закупка сырья и с'естных припасов производилась, обычно,

на 2 недели, а в селах близлежащих к Павлову—и на 1 неделю.

Рабочий день у кустарей был не менее 17 час., а иногда доходил до 18 ч. и даже до 19 часов в сутки. Особым уважением, по рассказу Григорьева, окружали того домохозяина, у которого рабочий день удлинялся до-нельзя.

— Вот у такого то ложатся не позже людей, а огни всегда зажигают с первыми петухами.

И, действительно, многие прилежные хозяева зажигали огонь и начинали работу в полночь, а гасили его в 9 час. вечера, перерывая работу на завтрак и отдых с 7 до 8½ час. утра и на обед с 1 часу до половины второго.

Дневной заработок отдельных товаропроизводителей равнялся:

у коваля 80 к., при производстве в 4 дюж. ножей или 5 дюж. вилок;

у обрезальщика 45 к., при производстве в 5 дюж. ножей;

у обтиральщика 36 к., при производстве 2 дюж. вилок;

у клеймильщика 50 к., при производстве 50 дюж. вилок;

у калильщика 90 к., при производстве 30 дюж. вилок;

у личильщика 30 к.—1 р. 50 к., при производстве 3 дюж. ножей, 10 дюж. вилок;

у присаживальщика 40 к.—48 к., при производстве 4 дюж. ножей, 6 дюж. вилок;

у направляльщика 50 к.—1 р. 25 к., при производстве 25 дюж. ножей;

у вычищальщика 25 к., при производстве 15 дюж. вилок.

В „отчетах и исследованиях по кустпромышленности России“ (т. IV) сообщается, что в 1890-х годах „1100 кустарей Арефинской и Варежской вол. ежегодно вырабатывали 97 тыс. дюж. столовых ножей, 2400 шт. ножниц, 1000 шт. топоров, 2000 шт. серпов и 573 тыс. штук замков.

Мануфактурные мастерские и предприятия с суммой производства свыше 1000 руб.

Постараемся теперь выяснить состояние мануфактурных мастерских и др. предприятий с суммой производства свыше 1000 руб.

Оборудование их состояло из (см. табл. на след. стр.).

Для полноты картины приведем описание крупнейшей в то время фабрики Д. Д. Кондратова. В 1873 году помещалась она в каменном двухэтажном доме и деревянном здании. Кроме того, изделия вчерне вырабатывались в 2-этажном же корпусе. Стоимость фабрики и ее отделений (в Ворсме, открытое в 1870 г., и шлифовалка на реке Сереже, открытая в 1863 г.) оценивалась в 10 тыс. руб., а годовой

ремонт ее—в 1000 руб. Сортировка изделий и расчет с рабочими проводились под непосредственным наблюдением хозяина в конторе, устроенной при его доме. Рабочих на фабрике было 200 чел., из них 56 шлифовальников, 45 ковалей, 10 закальщиков и 40 слесарей. Рабочих на стороне насчитывалось до 250 чел. При отделениях было 70 рабочих и на стороне 80 чел. На фабрике имелась паровая машина в 10 лош. сил, приводящая в движение 56 шлиф. станков, и водяная машина в 8 сил на р. Сереже, приводящая в движение 50 шлиф. станков. Кроме того, на фабрике было 30 горнов для ковки и закалки изделий, 40 верстаков с 120 тисками, 45 наковален и 2000 шт. мелкого инструмента.

ГОД	Мастерские			Шлифовалки*)				Примечание
	Верстаки	Горны	Нако-вальн.	Паров.	Вод.	Кон.	Без ук. дв. силы	
1870	52	49	64	1/56	2/92	—	—	По 2 крупным предприятиям с их отделениями
1873	53	11	38	1/90	2/80	—	—	
1888	142	37	—	3/201	—	1/2	5/14	Паровые машины были: 2 в 14 HP на ф-ке Д. Д. Кондратова (100 станков) 1 в 8 HP на ф ке В. Д. Кондратова (25 станков) и 2 в 10 HP на ф-ке Тоннихс (76 станков).

В 1888 г. на ф-ке Д. Д. Кондратова имелись: 100 шл. станков, 120 верстаков, 24 горна и ни одного штампа и молота.

Из всего этого мы видим, что работа на предприятиях, попрежнему, велась вручную, механизировано было только шлифовальное дело.

Механизация других процессов ножево-замочного производства (то-есть, другими словами, превращения ману-

*) В числителе указано число шлифовалок, а в знаменателе — количество шлифов. станков.

фактурной мастерской в фабрику в полном смысле этого слова) произошла только в 1890 году. На фабрике Д. Д. Кондратова в этом голу появляются уже (кроме 150 шл. станков, 40 кузнечных и 16 закалочных горнов) 2 паровых молота, 4 штампа и 7 приводных пресса. И на ф-ке В. Д. Кондратова установлены были 2 штампа.

Состав рабочей силы явствует из следующей таблицы:

	На фабрике				На стороне				Итого			
	1870	1873	1884	1888	1870	1873	1884	1888	1870	1873	1884	1888
Д. Д. Кондратов	270	270	280	200	330	330	400	300	600	600	680	500
И. О. Коробков . . .	40	89	—	—	51	16	—	5	91	105	—	5
А. С. Вахромов . . .	10	9	—	—	5	—	—	—	15	9	—	—
М. Ф. Сидоров . . .	—	10	—	1	—	—	—	3	—	10	—	4
Семеновы	—	—	3	3	—	—	—	6	—	—	3	9
В. Ф. Зинцов (Казаково)	—	—	3	6	—	—	4	—	—	—	7	6
С. Зинцов (тоже) . .	—	—	1		—	—	3	—	—	—	4	—
Тр. Иванов (тоже)	—	—	3	5	—	—	4	—	—	—	7	5
Склоков, Серов и Рассадин (Новоселки-шлифовалка) . . .	—	—	18	—	—	—	—	—	—	—	18	—
Тонниxс	—	—	35	25	—	—	—	—	—	—	35	25
Сидоровы	—	—	4	3	—	—	—	6	—	—	4	9
Е. Полюшков	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	2	—
В. Д. Кондратов . . .	—	—	—	35	-	—	—	65	—	—	—	100
Д. К. Старцев	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	4
И. И. Зверев	—	—	—	3	—	—	—	6	—	—	—	9
В. П. Грошков . .	—	—	—	12	—	—	—	—	—	—	—	12
Всего . . .	320	378	349	297	386	346	411	391	706	724	760	688

При этом в 1873 году на фабриках было ковалей 56, шлифовальщиков 172 и совершенно отделывающих 150; на стороне—ковалей, подготовщиков и, частью, шлифовальщиков—346.

Это показывает, что мануфактуристы, по-прежнему, выработку изделий вчерне производили на стороне, в своих же мастерских они только отделывали изделия.

Новым по сравнению с 40—60-ми годами является стремление некоторых предпринимателей начать изготовление изделий вчерне и у себя, на предприятиях.

Добавим несколько слов о половом, возрастном и образовательном составе рабочих и об их положении.

Женщин на предприятиях мануфактурных не работало ни одной. Малолетних в 1870 г. было 118 чел. (из 320 рабочих), но уже в 1884 г. их осталось 33 (из коих 32 чел. на шлифовалках) и в 1888 г.—10 ч. (все на шлифовалке Тонниха). Грамотных рабочих в 1870 г. было 90 челов. из 320.

Рабочий день на Кондратовской „фабрике" в 1880 году равнялся 14½-15 часам, продолжаясь с 3 час. утра и до 8 час. вечера с перерывом на завтрак (с 8 до 9½ час. утра) и на обед (с 1 ч. до 2 часов дня).

Весной и летом, „когда хозяину приходилось меньше жечь керосину", рабочий день доходил и до 16 часов.

Рабочий день в 1888 г. на всех предприятиях был уже в 12 часов, а на шлифовалке Тонниха—14 часов. Рабочие крупных мануфактур жили в своих домах, а рабочие мелких мануфактур—при предприятиях.

Зарплата у Кондратова Д. Д.	Коробкова И. О.	и мелких мануфактур была:
в 1870 г. 108 руб.—270 руб.	60 р.—100 р.	72 руб. 50 коп.—101 р. 50 к. в год.
в 1873 г. 80 руб.—200 руб.	70 руб.—100 р.	40 р.—50 р. в год.
в 1888 г. 60 коп. в день (сдельная).	25 руб. (материал мастеров).	6-12 р. в месяц.

В общем она была несколько выше, чем зарплата у кустарей—одиночек.

Размеры выработки изделий показывает следующая таблица:

		Итого		
		1870	1873	1888
Столовые ножи . .	дж.	16800	17900	26250
Складные и пероч.	„	5000	5000	500
Ножницы	„	800	3000	—
Ножи поварские	шт.	14300	21900	20400
„ сапожные .	„	200000	220000	240000
„ столярные .	„	700	700	—
„ рыбные . .	„	12000	12300	18500
„ хлебные . .	„	77000	84000	104100
„ маркитанск.	„	12500	11700	—
„ разные . .	„	—	—	105300
Серпы	„	—	—	12000
Лопаты стальные .	пд.	—	—	1000
Плотнич. инструм.	шт.	10000	5000	—
Всего . .	тысяч шт.	799,3	811,2	1139,7
Сумма производства	Руб.	119395	155150	209341

Сбыт изделий мелкими мануфактурами производился в с. Павлове, крупными—в Павлове, Москве, Петербурге, Харькове и др. городах, а также на Нижегородской, Ирбитской, Малороссийских и др. ярмарках.

Сырья в 1888 году было закуплено (в пудах): стали морянки и с Демидовских заводов 1500, стали литой 4780*) рессорной стали**) 292$^1/_2$, наждаку 104, свинца 91, пальмы 3060, железа 1048, сандалу 134, купоросу 60, оленьих рогов 132, мамонтовой кости и обрезков ее 15, меди и поль-

*) Интересно отметить то, что в 1870 г. стали русской существовавшими в то время мануф. мастерскими было истрачено 2700 п., а стали литой английской только 200 п.

**) Рессорная сталь потреблялась, гл. образом, мелкими скупщиками.

ского серебра $6^1/_2$, точил (по 2-м крупным предприятиям) 2200.

Добавим, что на Всероссийской выставке в СПБ в 1870 году Д. Д. Кондратов „за отличного качества дешевый ножевый товар, а также столярные и плотничьи инструменты при весьма значительном производстве“ получил право употребления на вывесках и изделиях „изображения государственного герба с надписью на оном—за выставку 1870 года“. Коробков на этой же выставке „за выделку ремесленных ножей хорошего качества“ получил серебряную медаль.

Производительность рабочего в 1888 году равнялась:
у мелких товаропроизводителей от 143 р. до 211 р. в год,
в предприятиях с суммой производства до 1000 руб. . . . . 220 руб. в год,
в предприятиях с суммой пр-ва от 1000 и до 4000 руб. . . . . 229 „ „
и в предприятиях фабрикантов Кондратовых . . . . 323 „ „

Стоимость сырья за пуд в 1870-73 годах равнялась:

	Д. Д. Кондратов		И. О. Коробков		Мануфакт. мастерские		Мелкие товаропроизводители	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К	Руб.	К.
Сталь морянка . .	3	30	3	40	—	—	3	50
„ литая . .	7	50	—	—	—	—	6 6	50 80
„ рессорная .	—	—	—	—	1 1	— 50	1 3	80 —
Железо	1	90	2		—	—	2	—
Наждак	4	20	4	50	—	—	—	—
Свинец	3	20	4	—	—	—	—	—
Пальма	—	75	—	85	—	—	—	—
Купорос	—	75	1	—	—	—	—	—
Сандал.	2	—	2	—	—	—	—	—
Оленьи рога . . .	6	—	8	—	—	—	—	—

Яблон. и рябиновое дерево . . .	1	50	1	75	—	—	—	—
Латунь	13	—	13	—	—	—	—	—
Бакаут	4	—	—	—	—	—	—	—
Мамонтовая кость	60	—	—	—	—	—	—	—
Обрезки ее . . .	12	—	—	—	—	—	—	—
Перламутр	16	—	—	—	—	—	—	—
Кость говяжья . .	5 за 1000	—	13 за 1000	—	—	—	—	—

Средняя цена дюжины столовых ножей в 1888 году была у Д. Д. и В. Д. Кондратовых—3 руб. 64 коп., у мануфактуристов—1 руб. 91 коп. и у мелких товаропроизводителей 1 р. 43 к.

Приблизительно та же картина и по другим изделиям, что явствует из следующей таблицы за 1873 год (в скобках даны средние цены, полученные от деления общей стоимости изделий на их количество).

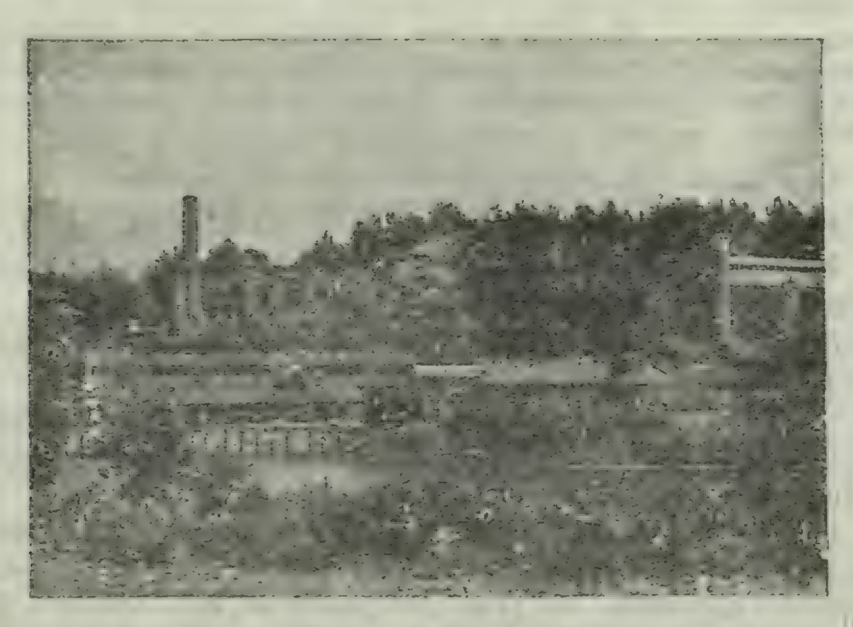
	Д. Д. Кондратов	Н. О. Коробков	Остальные мануфакт.	Мелкие товаропроизводители
Столов. ножи дж.	(3 р. 18 к). 2 р.—20 р.	(2 р. 70 к.). 1 р. 80—10 р.	(2 р. 11 к). 1 р. 75—5 р.	(1 р. 70 к.). 70 к.-2 р. 50 к.
Складные и перочин. . . .	(2 р 60 к) 1 р.—15 р.	—	—	—
Ножницы . . .	(4 р.). 3 р.—7 р.	—	—	—
Поварские ножи шт. . . .	(50 к.). $17^1/_2$ к.—1 р. 25 к.	(17 коп.). 10 к—50 к.	18 к.—50 к.	—
Сапожные ножи	($12^1/_2$ коп.). 8 к.—40 к.	(9 к.). 7 к.—30 к.	—	—
Рыбные „	(30 коп.). 20 к.—1 р.	(27 к.). 10 к.—1 р.	—	—
Хлебные „	(31 коп.). 13 к.—35 к.	(17 к). 10 к.—40 к.	10 к.—20 к.	—
Маркитанские ножи	(76 коп.). 35 к.—3 р.	(47 к.). 40 к.—1 р. 20 к.	—	—

Следовательно, вовсех отношениях мануфактуристы, особенно крупные, оказывались в лучших условиях: производительность рабочего на их предприятиях была выше, сырье обходилось дешевле, а изделия расценивались дороже, вследствие лучшего их качества и изготовления из лучшего сырья.

Фабрики. Мы уже отмечали, что фабрик в полном смысле этого слова было в 1890 году 2—Д. Д. и В. Д. Кондратовых. В 1897 году число их уже возросло до 5—Д. Д. и В. Д. Кондратовы, Л. и А. Завьяловы, Волков и И. Семенов.

В 1890 году оборудование фабрик состояло из 3 пар машин в 26 л. сил, 2 паровых молотов, 2 хвостовых, 6 штампов, 7 прессов, 48 кузнечных и 20 закальных горнов и 230 личильных мест.

К 1897 г. к оборудованию прибавилось еще 2 двигателя (общая мощность стала в 104 лош. силы), 7 паровых молотов, 9 приводных и 15 ручных прессов, 40 личильных мест и т. д.

Вачская ф-ка „Труд“, бывшая Д. Д. Кондратова.

Рабочих на фабриках в 1890 г. было 265 чел., с годовой платой в 40451 р. и „сверх того много товара работалось на фабрики кустарями“. В 1897 году число рабочих увеличилось до 689 взрослых и 12 малолетних.

Небезынтересно отметить при этом одну характерную традицию вачских рабочих. По переписи 1897 года у

83,7 проц. фабричных рабочих-ножевщиков работа на фабрике носила характер отхожего промысла, 89 проц. их оторваны были от земли, 64 проц. были безлошадниками и все же только 2,3 проц. рабочих работали на фабриках других губерний.

А ведь рядом с Вачским районом находился Павловский с еще большим количеством фабрик и мануфактур. И Завьяловы, напр., для пополнения своего ассортимента столовыми ножами вынуждены были открыть фабрику по изготовлению этих ножей не у себя в с. Павлове, а в с. Новоселках.

Всеми фабриками Вачского района в 1897 году выработано было 28 тыс. дюж. столовых ножей и вилок, 1,5 тыс. лезвий к серебр. черенкам, 201200 шт. хлебных ножей, 800 дюж. перочинных ножей, 1000 дюж. штопоров, 1000 дюж. ножниц, 3600 шт. поварских ножей и 270 тыс. штук ножей без указания сорта. Всего на 472150 руб. 50 коп. Изделия сбывались по всей Европейской России (кроме Финляндии), по Сибири и на Нижегородской, Ирбитской и др. ярмарках.

Группы товаропроизводителей и их взаимоотношения.

В заключение остановимся на более подробном описании взаимоотношений отдельных групп товаропроизводителей, каковыми они сложились к концу XIX века.

Основных этих групп можно выделить четыре:

1. **Мелкие товаропроизводители**, работающие на рынок.
2. **Мелкие товаропроизводители**, работающие на „хозяина" (фабриканта, мануфактуриста, скупщика).
3. Фабриканты, мануфактуристы и скупщики и
4. Наемные рабочие.

Эксплоатация мануфактуристами, фабрикантами и скупщиками мелких товаропроизводителей, главным образом, сводилась к трем видам.

Первый вид—владельцы мануфактур и фабрик выдавали „кустарям" сырье по весу, по весу же со скидкой незначительного процента на угар получали от них изделия, причем лишняя трата материалов влекла вычет из заработка мастера. Огромное значение придавалось приемке и браковке изделий, о чем свидетельствует уже тот факт, что долгие годы даже Д. Д. Кондратов приемку и браковку производил самолично.

Мелким товаропроизводителям, как мы видели, поручалась, главным образом, выделка изделий вчерне. Отделка производилась на фабриках и в мастерских „хозяев".

Характерным в этом отношении доказательством являются данные переписи 1897 года:

	Среди кустарей-ножевщиков.	фабр. рабочих
делают изделия вчерне	35 проц.	21 проц.
отделывают их	29 „	**68** „
делают и насажив. черенки	36 „	11 „

Яркая картина взаимоотношений кустарей с мануфактуристами дана Георгиевским в его интереснейшей книге о замочном промысле, ставшей сейчас библиографической редкостью.

— „Положение кустарей, находящихся в полной зависимости от своих хозяев,—пишет он,—безотрадно. Будучи почти все закабалены хозяевами при помощи обычных в подобных случаях задатков, они волей неволей должны соглашаться на все условия, предлагаемые хозяином, как бы они иногда тяжелы ни были. В противном случае им грозит волсуд, в результате которого наступает опись последнего скарба кустаря за неплатеж долга хозяину.

— Эта вынужденность об‘ясняется еще и тем обстоятельством, что наем кустарей производится в ту пору, когда изделия не пользуются спросом.

— Операция посредничества в настоящее время (1902 г.) почти монополизирована: все дело находится в руках 2 крупных скупщиков, которые поэтому и являются полновластными господами кустарей...

— При найме между хозяином и кустарем заключается домашнее условие. Приведу из него более характерные места, которые так или иначе могут осветить дело. Здесь, между прочим говорится, что „при расчете за замки получать половину зарплаты товаром“, „при работе на чистый расчет—1 рубль с цены за 100 замков скидки“, „сабаны на сторону не делать“.

— Затем следует заметка задатка, который кустарь „обязуется вертать по 1 руб. с урока“. И в заключение пресловутое обязательство—исполнять условие под опасением законной кары нарушителя (относящееся, конечно, только к кустарю: нарушит условия хозяин, какой же кустарь подаст на него в суд. И. Б.).

— Цены на продукты назначаются довольно высокие... И нельзя сказать, чтобы и при такой цене продукты отпускались свежие...

— Хотя у каждого кустаря есть расчетная книжка, но чтобы прочитать написанное в ней, нужно обладать особен-

ным искусством... Часто на основании записи кустарь думает, что ему придется получить кое-что с хозяина, а по хозяйскому счету выходит, что не ему получить, но самому еще приходится доплачивать...

— Если кустарю понадобится купить то, чего у хозяина нет, то и в таких случаях денег давать не полагается, хотя бы по расчету и причиталось. Обыкновенно хозяин дает кустарю записку и указывает лавку, где он может взять нужное для себя. При этом вместо каждого забранного рубля в счет кустаря ставится 1 руб. 10 коп., да в лавке с него лишнюю копейку на аршин (ситца) возьмут. У хозяев, которые не держат у себя продуктов, этот 10 проц. налог практикуется на все работы...

— Во время ослабления спроса хозяева не додают мастерам материала, нужного для недельной выработки, усиленно бракуют изделия, заставляя переделывать и...открывают за ростовщический процент кредит"...

Обирание мелкого товаропроизводителя при расчете и при заборе товаров описано также и в корреспонденции из с. Польцо:

„Средний мастер скует в день вилок среднику 6 дюжин из своего товара. На нее нужно стали $1^1/_2$ ф. на 8 коп. и углей исходит на 5 коп., да 1 к надо считать на брак. Итого дюжина стоит себе 14 коп., а берет за нее мастер 24 коп. Значит барышу мастер получит 60 к. в день, 3 р. 60 к. в неделю. При этом надо иметь в виду, что когда товар сбывается хозяевам, то при расчете рабочий должен взять у хозяина забор: сталь, муку и т. д. за все передавая лишки, иначе хозяин или отсылает, или делает скостку по 2 коп. с дюжины. Вот сравнительные цены.

	На базаре		У хозяев	
Пуд стали	2	25	2	80
Мука ржаная (пуд) .	—	90	1	—
„ пшен. „ .	1	80	2	10
Пшено „ .	1	20	1	40
Спички (1000)	—	6	—	10
Сахар (фн.)	—	17	—	22

Другой вид эксплоатации сводился к тому, что мелкие товаропроизводители изделия, выработанные из своего сырья сдавали для сбыта скупщику, который расплачивался за них частью деньгами, частью сырьем, и т. д.

Что такие взаимоотношения были не единичны свидетельствуют данные обследований 1897 года, которые гласят:

	Работают		У работающих на дому			
			Материал		Сбыт	
	У хозяина	На дому	Свой	Хозяина	На рынок	Хозяину
Ножевщики	13	87	30	70	12	88
Замочники	5	95	45	55	42	58

Из этой табличке видно, что 60 проц. ножевщиков, работающих на дому из своего материала, изделия все же сбывают не на рынке, а „хозяину" (в большинстве случаев Павловскому скупщику).

— По понедельникам, — описывает Григорьев Павловский базар 1880 года, — в лавках скупщиков с 3 час. ночи появляются фонари; эти светлые точки по сторонам базарной площади служат сигналом, что хозяин лавки намерен закупать изделия... Кустари толпятся около столов и лавок скупщиков, стараясь наперерыв запродать им свой образец... Скупщик смотрит изделия, назначает цену, не долго разговаривая с каждым продавцом, так как их масса. Иногда, озадаченный слишком низкой оценкой, кустарь берет свой образец назад и идет к другому огоньку, но и здесь его ждет таже оценка, а то и ниже"...

Всех скупщиков в Павлове в это время было около 50 ч. с годовым оборотом от 1 до 300 тысяч рублей. Скупщики, обычно, расплачивались не деньгами, а сырьем и товаром (опять таки по повышенным ценам), да бумажками к „меняле", в которых сказано, что такому-то следует выдать такую-то сумму. „Меняло", конечно, делал это недаром, окупая услугу скупщику путем вычета 1½—2 проц. из причитающихся кустарю денег. Недаром, кустари говорили, что у них „рубль о 98 копейках".

И, наконец, **третий вид** эксплоатации „кустарей" — это шлифовалки Эти оригинальные фабрики (кроме тех, кото-

рые являлись цехами сталеслес. ф-к и мануфактур) сами ничего не производили. Владельцы их продавали „кустарям" место на фабрике и „силу", точнее, право шлифовать свой товар и своими же материалами. За каждое место взималось в 1890 году на паровых шлифовалках 1 р. 20 к.—1 р. 50 к. в неделю, а раньше этого (1880-ые годы) на паровых—2 руб., на водяных 1 р.—1 р. 50 к.

В 1890 году таких шлифовалок было пять:

1) Тоннихс (Лобково)	14 л. с.	96 шл. ст.
2) Важдаев (Медоварцево)	3 л. с.	70 —„—
3) А. Г. Валединский (Лесниково) . . .	8 л. с.	64 —„—
4) С. Г. —„— (Еловка) вод. колесо . .		30 —„—
5) Гнездин (Жекино)	5 „	34 —„—
Итого	30 л. с	294 —„—

Кроме этого, Добрынкин („Сто лет назад и теперь") насчитывал в 90-х же годах еще 26 разных шлифовалок, которые, возможно, не все использовались для сдачи мест „квартирникам". Водяные шлифовалки он указывает в Сколкове, Лобкове, Лесникове и на Кутре (Арефин. вол.); конные—в Вакулове, Сенюкове, 4 в Еремейкине и 2 в Попышеве. Из остальных, для которых двигательная сила не указана, 4 были в Монаковской вол., 1 во Вшивкове, 1 в Жекине, 1 в Дьякове, 2 в Сурском, 1 в Беляйкове, 1 вВаче, 1 в Горбанове и 1 в Лобкове.

Внутренний вид шлифовальной фабрики.

Каково же было соотношение групп товаропроизводителей? Ответ на этот вопрос дается переписью 1897 года: [1])

I. Мелкие товаро-производители, работающие на рынок . . . 559 чел. (12,3 проц.).

II. Тоже, работающие на „хозяина“ 2733 „ (60,3 проц.).

III. „Хозяева“ . . . . 148 „ (3,1 проц.).

IV. Наемные рабочие . . . . . 1098 „ (24,3 проц.).

Отсюда очевидно, что Вачский район к началу XX века был капитализирован на 88,8 проц.

Еще в большей степени был капитализирован ножевый промысел, в котором в 1897 году было:

а) мелких товаропроизводителей, работающих на рынок . . . . 329 чел. (9 проц.)

б) тоже, работающих из своего сырья, но на „хозяина“ . . . 494 „ (13 проц.)

в) тоже, работающих из сырья „хозяина“ . . . . 1921 „ (50 проц.)

г) и наемных рабочих . . . . 1052 „ (28 проц.)

Мануфактуристы, скупщики и фабриканты буквально скрутили мелкого товаропроизводителя по рукам и ногам, фактически превратив его в простого коваля своей мастерской или фабрики.

И даже 9-12 процентов мелких товаропроизводителей, которые по виду наиболее сохранили свою самостоятельность, в большей своей части не избежали эксплоатации со стороны фабрикантов, раскинувших по району свои щупальцы— паровые и водяные шлифовалки.

На фоне этого то процесса капитализации района быстро развивались паровые механизированные фабрики и шлифовалки.

Все глубже внедрялись в районе паровые молот, пресс и машины.

Однако, этому интересному в жизни района моменту, а равно и тем коренным изменениям, которые произвел в районе Октябрь, должно быть посвящено особое исследование.

Кое-что о положении Вачского района в XX веке известно по статьям во Владимирском журнале «Наше Хозяй-

---

[1]) Вычисление произведено так: по переписи известно, что в районе было 3154 ножовщика, 577 замочников и 659 рабочих фабрик. Мы уже приводили таблицу проц. распределения „кустарей“ на группы. На основании ее мы и производим распределение ножевщиков и замочников по I, II и IV группам, полагая, что работающие у „хозяина“ ничем не отличаются от рабочих фабрик. Цифра владельцев предприятий взята в 148 чел. по числу последних, указанных Добрынкиным (кроме кузниц).

ство», но богатейшие материалы земства, податной инспектуры, райметалла, металлотреста, муркустпромсоюза, губстатотдела и предприятий района до сих пор еще покрыты густым слоем архивной пыли.

Будем надеяться, что не надолго.

СПИСОК

использованных материалов.

1. Архив Муромского полицейского правления „Ведемости фабрик и заводов“ за 1862, 1870, 1873, 1884, 1888 годы.
2. „Владимирские губернские ведомости“ 1853 г. № 41-43, 1856 г. № 22, 1841 г. № 42, 1855 г. № 17, 1859 г. № 17, 1870 № 25, 1881 г. № 15; 1883 г. № 25-29; 1885 г. № 46.
3. Архив Владимирского губфабинспектора 1895 г. XI № 1 и 1904 г. XI.
4. „Материалы к оценке земель Владим. губ.“ т. 1 вып. III.
5. „Памятная книжка Владимирской губ. на 1900 г.“
6. „Фабрики, заводы и прочие промзаведения“—Свирский.
7. Н. Георгиевский—„Кустарный промысел производства внутренних замков во Владимирской губ.“ Томск.
8. „Обзор Влад. губ. в сел.-хозяйственном отношении“ за 1899, в. 1.
9. „Статистический бюллетень“. Н. Новгород 1927 г. № 10 (52).
10. Чулков—„Историческое описание Российской коммерции“, т. VI, вып. 2.
11. А. Щекотин—„Словарь географический Российского госуд., описывающий в азбучном порядке“. М. 1801-1808. Часть I и IV.
12. Кустарное замочно-ножевое производство Павловского района—В. Н. Григорьев М. 1881 г.
13. Н. Добрынкин—„Сто лет назад и теперь“.

А. БОГДАНОВ.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ НАДЗОР

ЗА А. И. ГЕРЦЕНОМ ВО ВЛАДИМИРЕ.

Полицейский надзор за А. И. Герценом во Владимире.

(По архивным материалам).

А. И. Герцен, как известно, в 1838-1837 г.г. находился в ссылке во Владимире. Этот факт не раз привлекал к себе внимание исследователей, в результате чего появилось несколько работ о жизни Герцена в этом городе [1]). Все эти работы имеют, однако, существенный пробел: в них совершенно не отобразился один из наиболее важных моментов владимирской ссылки—полицейский надзор.

Мы попытаемся хотя бы отчасти заполнить указанный пробел, использовав для этого не лишенные известного колорита и интереса данные, обнаруженные в архивных делах канцелярии владимирского губернатора.

Не лишним будет припомнить сначала основные моменты истории ссылки Герцена.

Будучи студентом Московского университета, Герцен глубоко проникся тогдашним социалистическим учением, сенсимонизмом.

Около Герцена и Н. П. Огарева в университете образовался кружок, который с увлечением изучал социально-политические вопросы и при случае пропагандировал свои революционные воззрения.

Кружок этот существовал некоторое время и после того, как все члены его закончили университет. Но затем он был замечен правительством и ликвидирован по следующему незначительному поводу.

Летом 1834 г. установлено было, что на одной пирушке молодежью распевались песни, „наполненные гнусными и злоумышленными выражениями против верноподданнической присяги". Вследствие этого был произведен ряд арестов и, в частности, в ночь на 21 июля арестован Герцен.

---

[1]) Главнейшие из них: **М. Левитский**. Служба А. И. Герцена во Владимире.—„Новое Слово" 1894, № 1; **Е. Некрасова**. Связка писем А. И. Герцена. 1838-1840. Жизнь во Владимире и первая поездка в Петербург.—„Северный Вестник" 1894, №№ 7, 8; **Н. Чебышев**. А. И. Герцен во Владимире.—„Труды Влад. Учен. Арх. Комиссии" кн. 4, Владимир, 1902; **Н. М-ва**. Культурная деятельность А. И. Герцена в провинции. — „Руск. Мысль", 1900, № 2.

Следственная комиссия, образованная по этому делу, нашла, что Герцен—„человек пылкого ума, и хотя в пении песен не обнаруживается, но из переписки его с Огаревым видно, что он смелый вольнодумец, весьма опасный для общества". Герцен был приговорен к исправительной мере, заключавшейся в бессрочной ссылке на гражданскую службу в дальние губернии и в надзоре полиции.

Сначала Герцена отправили в Пермь, но оттуда вскоре же перевели в Вятку, где он и пробыл около двух лет (с 19 мая 1835 г. по 29 декабря 1837 г.), отбывая, в тяжелой зависимости от самодура-губернатора Тюфяева, принудительную службу в губернском правлении.

Воспоминания Герцена об этом периоде жизни полны глубокого отчаяния. К счастью, ему сравнительно скоро удалось вырваться из вятской ссылки.

Случилось это так. В 1837 г. по России путешествовал Александр II, бывший тогда наследником престола. Он, между прочим, посетил Вятку, и, осматривая здесь устроенную Герценом выставку местного края, остался ею весьма доволен. Этим воспользовались спутники наследника—поэт В. А. Жуковский и писатель-экономист К. И. Арсеньев. Они убедили наследника возбудить ходатайство о разрешении Герцену ехать в Петербург.

Ходатайство это удовлетворено, однако, не было. Но после этого Герцена перевели в более близкий пункт, во Владимир „для сближения его с родственниками, живущими в Москве, под строгий надзор местного начальства".

Во Владимир Герцен приехал 2-го января 1838 года. Здесь, в противоположность Вятке, обстоятельства для изгнанника сложились весьма благоприятно.

У него сразу же установились хорошие отношения с гражданским губернатором И. Э. Курутой, который назначил Герцена на интересную ему службу по заведыванию редакцией „Губернских Ведомостей" и ввел в свое семейство, где он встретил ласку, привет, сделался своим человеком [1]).

Благодаря этому, ссылка и надзор утратили для Герцена свою остроту. Проживая во Владимире, он не испытывал со стороны местной администрации никаких стеснений и даже мог вскоре же по приезде тайно отлучаться на свидание со своей невестой, Н. А. Захарьиной, в Москву, в'езд в которую ему был воспрещен.

[1]) Сочинения А. И. Герцена и переписка его с Н. А. Захарьиной. Том II-й—Спб. 1905. стр. 22; В Курута. Из материалов для биографии А. И. Герцена. „Рус. Мысль" 1889, № 5, стр. 2; № 6. стр. 11, 14.

Поездки эти биографы Герцена весьма нередко считают тайными в полном смысле. Но они в действительности тайной были только для центральных полицейских органов. Владимирские же власти, в том числе сам губернатор И. Э. Курута, жена которого принимала в романе Герцена с Н. А. Захарьиной горячее участие [1]), о поездках хорошо знали [2]).

Как же, любопытно, протекал во Владимире полицейский надзор за Герценом?

К нему приступили не тотчас же по приезде Герцена. Губернатор только 5-го февраля 1838 г. предписал владимирской городской полиции взять Герцена под надзор и доставлять „по преподанной форме третные о нем ведомости, и, в случае выезда его из города, сообщать тому месту, в ведение которого он отправится, для учреждения за ним надзора".

Полиция в ответ на это секретным рапортом от 4 марта сообщила, что надзор за Герценом учрежден „и в отношении прочего исполнение чинено быть имеет в точности.

И, действительно, представляя губернатору при секретном рапорте от 3 мая 1838 г. „Ведомость о состоящих под надзором городской полиции лицам за генварьскую треть 1838 г.", она включила в нее под № 3 и сведения о Герцене. Вот они полностью:

Чин, имя и прозвание. Титулярный советник Александр Иванович Герцен.

Сколько от роду лет. 28. [3])

По какому повелению, за что, с какого времени состоит под надзором. По предписанию его превосходительства господина министра внутренних дел с повеления государя императора, для сближения с родственниками, живущими в столичном городе Москве; за какой случай подвергнут надзору, сведений в полиции не имеется; с 5-го февраля 1838 года.

Где проживает, чем занимается, не получает ли что от казны. В городе Владимире, на квартире; находится на службе в канцелярии его превосходительства господина владимирского гражданского губернатора.

Не имеет ли семейства и где оно находится. Холост.

Что по надзору открылось. Ведет себя весьма хорошо и прилично благородной чести.

В этих сведениях не может не обратить на себя внимание последний пункт—отзыв о поведении Герцена. Он любопытен как содержанием, так и ясно звучащим в нем почтительно-заискивающим тоном. Такой отзыв сделан был полицией, конечно, в угоду губернатору, покровительствовавшему Герцену. Не будь его покровительства, полиция отозвалась

---

1) Сочинение А. И. Герцена и переписка с Н. А. Захарьиной. Том II-ой—Спб. 1905, стр. 289.

2) Тоже, том VII, стр. 486.

3) Это не верно: Герцену, родившемуся 25 марта 1812 г., в это время было 26 лет.

бы о поведении Герцена, несомненно, отрицательно. У нее для этого были и достаточно веские основания—самовольные поездки Герцена в Москву.

К тому же, владимирская полиция по отношению к поднадзорным благодушна не была. Других таких лиц, бывших в это же время в ссылке во Владимире—„губернского секретаря Попова“ и «курляндского уроженца Генриха Баха»—она аттестовывала в «третных» ведомостях сурово и явно придирчиво.

Губернатор, представлявший в свою очередь «третные» ведомости о поднадзорных министру внутренних дел и в III отделение, сообщил о Герцене в ведомости за январьскую треть такие сведения:

Чин, имя и прозвание. Титулярный советник Александр Иванович Герцен.

Сколько от роду лет. 28.

По какому повелению, за что, с какого времени состоит под надзором. По высочайшему повелению, изъясненному в предписании господина министра внутренних дел от 30-го ноября 1837 г., за прикосновенность к делу о пасквильных стихах, петых в Москве; переведен из города Вятки на службу во Владимир для сближения с его родственниками, живущими в Москве, под строгий надзор местного начальства; прибыв во Владимир с 5-го февраля 1838 г.

Где проживает, чем занимается, не получает ли что от казны. В городе Владимире, на квартире, состоит на службе в канцелярии губернатора, от казны на содержание не получает.

Не имеет ли семейства и где оно находится. Имеет жену, которая находится при нем.

Что по надзору открылось. Ведет себя весьма прилично и по надзору ничего предосудительного не открылось.

Здесь любопытна своей преждевременностью отметка о семейном положении Герцена. Он, как известно, повенчался с Н. А. Захарьиной во Владимире 9-го мая 1838 г., а в выше приведенных сведениях, отосланных в центр 3-го мая, уже говорится, что Герцен «имеет жену, которая находится при нем».

В дальнейшем, представляя губернатору „третные“ ведомости о поднадзорных, владимирская городская полиция всегда включала в них сведения о Герцене. Такие сведения имеются в ведомостях за майскую и сентябрьскую трети 1838 г. и январьскую треть 1839 г. По сравнению с вышеприведенными, все они в общем однообразны и заключают такие отзывы о поведении Герцена: «ведет себя очень хорошо», «ведет себя весьма отлично».

Таковы же сведения о Герцене и в ведомостях губернатора, посланных им за эти же трети и за первое полугодие 1839 г. министру внутренних дел и в III-е отделение. Здесь поведение Герцена аттестовано так: «ведет себя очень хорошо», «ведет себя весьма хорошо».

Но заступничество губернатора за Герцена перед центральными полицейскими органами не ограничилось сообщением хороших отзывов о его поведении в установленных ведомостях, представляемых в эти органы. Он еще 26 декабря 1838 г. обратился к министру внутренних дел с ходатайством об освобождении Герцена от полицейского надзора. Ходатайство это увенчалось успехом: отношением от 20 июля 1839 г. министр сообщил, что государь «соизволил прекратить за Герценом полицейский надзор»

Об этом губернатор 29-го июля дал знать владимирской городской полиции. Надзор за Герценом был прекращен, и сведения о нем в ведомостях полиции сообщаться больше не стали. Только в ведомости за вторую половину 1839 г. было сделано примечание: «из числа находящихся под надзором владимирской городской полиции господин Герцен освобожден из-под надзора по высочайшему повелению».

Так протекал во Владимире полицейский надзор за Герценом. Как видим, он, вопреки предписанию центральных властей, был далеко не строгим и являлся лишь простой формальностью. Время, проведенное Герценом во Владимире, было лучшей порой его ссылки.

И неудивительно, поэтому, что, впоследствии (очутившись в новом изгнании, в Новгороде, он так сожалел, что оставил «тихий и мирный Владимир на Клязьме». [1])

---

[1]) „Рус. Мысль", 1889, № 6, стр. 11. 15.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

НАПЕЧАТАНО:	СЛЕДУЕТ:
Стран. 28, строка 5 сверху: во-первых	в первых
Стр. 28, стр. 6 сверху: во-торых	во вторых
„ „ снизу: маяком:	манком
Стр. 31, стр. 20 сверху: станками	стенками
Стр. 34, стр. 6-7: снизу: нового ряда	новыми рядами
Стр. 42, стр. 10 сверху: грузло	грузило
Стр. 49, стр. 2 сверху: подобный	подобной
В статье „Сталеслесарная промышленность „фамилия автора „Географ. Словаря „указана— „Щекотин"	Щекатов
Стр. 85 строка 4-я сверху: 1838—1837 г.г.	1838—1839 г.г.
Стр. 89, в строке 3 снизу поставлена скобка: (	,(запятая).